

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В редакцию “Нашего современника” поступила книга “Россия-Запад. Как сберечь русскую цивилизацию”, присланная её автором, Юрием Фёдоровичем Годининым, доктором экономических наук, специалистом по экономической интеграции и экономической безопасности во внешнеэкономической сфере. Также вместе с книгой автор прислал письмо заведующему отделом очерка и публицистики:

“Как профессиональный аналитик по макроэкономике и геополитике, научный исследователь, консультант первых лиц в ЦК КПСС и нынешних..., я пишу книги в виде ситуационных анализов. Надеюсь, данная монография будет Вам полезна, т. к. она сейчас востребована на самом верху.

Признаюсь: всегда с большим интересом читаю публикации творческого друга Куняевых. Мне очень интересны разделы “Очерк и публицистика” и “Память”, которые Вы ведёте в “Нашем современнике”. В 5-м номере за 2022 год публикации Алексея Татарина, Антея Краснова и Евгения Вертлиба я даже рекомендовал прочитать депутатам (вменяемым) в Государственной Думе. Ваш “Вадим Кожинов” бесподобен, очень интересно читать. Надеюсь на обратную связь по прочтении моей книги”.

Мы публикуем главы книги Юрия Година, посвящённые современной Украине, с предисловием доктора экономических наук, лауреата Государственной премии СССР Александра Ивановича Бельчука.

ЮРИЙ ГОДИН

РОССИЯ-ЗАПАД. КАК СБЕРЕЧЬ РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография Ю. Ф. Година необычна во многих отношениях. Во-первых, при анализе исторических процессов в основе общей позиции автора лежит цивилизационный подход, что для российских учёных и политиков (и не только российских) не очень частая позиция. Цивилизационный подход — ещё не устоявшийся и не повсеместно принятый метод исторического анализа. Многие авторы вкладывают в него совершенно разное содержание. Поэтому предварительным условием успешной работы исследователей, действующих в рамках данного подхода, является чёткое определение конкретного содержания и форм цивилизационной теории, которой придерживается автор. Тем более что выводы, к которым приходит Ю. Ф. Годин в ходе своего анализа, являются весьма значимыми. Во-вторых, характер монографии Ю. Ф. Година отличается полемичностью, большой остротой и откровенностью, с которой он излагает материал и свои заключения, учитывая, что он анализирует очень болезненные и очень важные проблемы, касающиеся истории России, Украины, Белоруссии и взаимоотношений между этими народами.

Большое влияние на формирование взглядов Ю. Ф. Година оказал российский учёный XIX века Николай Данилевский, который во многом предвосхитил создание

концепции цивилизационного развития человеческого общества, в наибольшей степени разработанной в дальнейшем английским историком Арнольдом Тойнби и американским учёным Самюэлем Хантингтоном. Их трактовка и является наиболее распространённой среди учёных и политиков в настоящее время. Ю. Ф. Годин также внёс свои существенные новации в разработку цивилизационной теории развития, в рамках которой многие учёные ныне пытаются найти общие законы развития человеческого общества.

Уже упоминалось о том, что цивилизационный подход — термин весьма неопределённый и не существует его общепринятого понимания. Он трактуется некоторыми в чисто технико-экономических категориях, например, бронзовый век, железный век, аграрная цивилизация, машинная цивилизация и т. п. Ю. Ф. Годин придерживается точки зрения, близкой к позиции А. Тойнби, что цивилизации определяются, прежде всего, набором базисных этических ценностей (что такое добро и зло, в чём цели и смысл жизни, что такое хорошо и что такое плохо и т. п.), а также культурой народа, единством исторических переживаний, восприятием определённого народа и его культуры как своего собственного народа и своей собственной культуры, сложившихся в контексте исторического развития. На формирование этого комплекса черт большое, а нередко и решающее влияние оказывает религия. Этот комплекс представлений и идей, как правило, разделяется и входящими в цивилизационную общность атеистами, несмотря на то, что они могут отрицать религиозные корни своих представлений и убеждений. В частности, известны парадоксальные слова президента Белоруссии А. Г. Лукашенко, который как-то сказал, что он — “православный атеист”. В ареал многих цивилизаций обычно входит ряд народов и территорий. В настоящем периоде А. Тойнби определил наличие следующих цивилизаций: западная, исламская, восточно-европейская православная, китайская, японская, индийская, африканская (территории южнее Сахары).

Подход, которого придерживается Ю. Ф. Годин, означает, что принадлежность к определённой цивилизации является, в конечном счёте, фундаментом, определяющим главные направления развития стран и народов, входящих в соответствующие цивилизационные общности, вероятные конфликты с другими странами и аналогичными общностями. Понятие “цивилизация” шире, чем понятие “социально-экономическая система”. В рамках одной и той же цивилизации возможна смена разных социально-экономических и политических систем.

Таким образом, А. Тойнби в качестве отдельной цивилизации выделяет Восточнославянскую православную цивилизацию, ядром которой является Россия, куда также входят Белоруссия, большая часть Украины, Сербия, Черногория, Болгария. Положение Греции является двойственным. У неё немало черт, объединяющих её с Россией. Как известно, Византия, греческий наследник Римской империи, дала толчок к формированию Восточнославянской цивилизации, но в то же время длительное существование в рамках общеевропейского пространства привело к созданию в Греции общей основы с классической европейской цивилизацией, тем более что Греция вместе с Римской империей внесла огромный вклад в формирование европейской цивилизации в целом. Ю. Ф. Годин присоединяется к А. Тойнби в том, что Россия и ряд других стран являются самостоятельными цивилизациями. Автор делает свой заметный вклад в цивилизационную теорию и в анализ практики исторического развития, прежде всего, “славянско-треугольника”: Россия, Украина, Белоруссия.

Ю. Ф. Годин использует в своей книге термин “Восточнославянская цивилизация” или “Славянская православная цивилизация”. Эти термины не очень точны, поскольку они как бы исключают неславян, прежде всего мусульман, из российской цивилизации. А их в России немало. И складывается впечатление, что большая часть из них, прежде всего, казанские татары, воспринимают Россию как свою духовную родину, а русских и русскую культуру — как часть своей собственной общности, при сохранении многих отличий. Не хотелось бы “обижать” представителей и других культур и народов. Однако подобрать к российской цивилизации какой-то другой, более удачный обобщающий термин трудно. Во всяком случае, ни у автора, ни у меня это не получилось. Может быть, “Восточноевропейская цивилизация”, чтобы снять привязку к этничности? Но тогда в эту общность вроде бы нужно включать такие восточноевропейские страны, как Польша, Хорватия, Чехия, Словакия, Словения и Словакия, которые совершенно чётко воспринимают себя как часть европейской цивилизации. Но, в конце концов, на наш взгляд, это не имеет кардинального значения. Так или иначе, с проблемой этнического

и государственного разделения населения по цивилизационным критериям сталкивается почти любая цивилизация, кроме, может быть, японской, где подавляющая часть населения состоит из этнических японцев.

Позиция автора категорична по проблеме, разделяющей российское общество (и не только российское) на два лагеря в понимании, что такое Россия — восточная часть Запада или западная часть Востока? А Россия — ни то, ни другое, утверждает автор. Она самостоятельная цивилизация, хотя, конечно, Запад ближе к нам, чем любая другая цивилизация. Это главный вывод, который Ю. Ф. Годин делает по этой судьбоносной проблеме. Впрочем, к этому следует сделать ещё одно важное добавление по позиции автора. Дело не только в том, чтобы, так сказать, признать претензии России быть самостоятельной цивилизацией. С этим, пожалуй, сейчас согласно большинство. Другой, не менее важный аспект: в каком направлении следует далее развиваться России, если она принадлежит к неевропейской цивилизации? Нужно ли ей продолжать двигаться по прежнему пути или попытаться сменить свою идентичность, прижмнуться к европейской цивилизации как к более успешной, по крайней мере пока?

Впрочем, ссылки на большую успешность Западной цивилизации по сравнению с другими моделями, включая Российскую, Восточнославянскую, ныне нуждаются в переосмыслении. Они были справедливы минимум для прошедших пяти столетий, а может быть, и более. Это предмет отдельного анализа. Для нас важно другое. В последнее время стало очевидным, что западная модель стала утрачивать, а может быть, уже окончательно утратила своё первенство в социально-экономическом развитии по сравнению с некоторыми другими цивилизациями (иногда я называю их, пожалуй, слишком вольно, другими моделями развития). Речь идёт, в первую очередь, о китайской и индийской моделях. Можно также вспомнить и о так называемых “азиатских тиграх” первой и второй волны (Южной Корее, Сингапуре, Тайване, Малайзии, частично — Бразилии и Мексике и др.)

Но самое главное, конечно, — Китай с его феноменальными результатами развития за последние примерно 30–40 лет, превращением в первую державу мира по общему объёму ВВП, промышленного производства, экспорта и т. д., и т. п. Набранная инерция не оставляет сомнения в том, что, допустим, через десятилетие или немногие более китайское лидерство в мире по многим решающим показателям станет самоочевидным. И кого тогда нужно будет догонять и кого брать за образец для подражания? В целом, уже больше половины мирового ВВП производится в незападных экономиках. И процесс продолжается. Запад ещё не полностью растерял свой имидж передовой цивилизации по общим результатам социально-экономического развития, да и накопленный потенциал ещё долго будет сказываться, но он его уже очень серьёзно “подмочил” по темпам и качеству развития. И вряд ли есть сомнения в том, что радикальное изменение соотношения сил в мире в пользу незападных цивилизаций станет очевидным фактом. Зачем же тогда России бежать за “хромой лошадей”?

Большинство тех, кто стоит на позиции необходимости смены российской цивилизационной идентичности, присоединения страны к Европе в цивилизационном плане, в России являются либералами-западниками. Их позиции в нашей стране достаточно серьёзные, хотя на выборах они никогда не добивались заметных успехов. Но в правительственных структурах, средствах массовой информации, финансовой системе, образовании, управленческих центрах и т. п. они представлены очень широко и нередко, что называется, “командуют парадом”. Особенно это касается экономического блока в правительстве, включая Центробанк, где они доминируют в течение всего существования новой России. Идеология, направления и методы социально-экономической политики в стране за прошедшие четверть века брались из либерально-монетаристского арсенала, являющегося в настоящее время олицетворением Запада, Западной цивилизации. Конечно, эти аспекты не включают в себя все основополагающие критерии цивилизации, но в экономической части — достаточно существенные.

Об итогах этого доминирования можно судить по общим результатам социально-экономического развития России за последнюю четверть века, когда либерально-монетаристский блок определял основные направления экономической политики в стране. По объёму промышленного производства мы до сих пор не достигли уровня конца советского периода. Произошла реальная деиндустриализация страны. По объёму сельскохозяйственного производства мы, по-видимому, пока ещё также не достигли советского уровня (кстати, не очень высокого), несмотря на успехи последних лет в этой области. По объёму капиталовложений

в экономику — та же картина, только с ещё большим отставанием. Это главные показатели результатов экономического развития в сфере материального производства любой страны. Правда, немного увеличились общие масштабы валового внутреннего продукта, примерно на 1/5, но это копеечный рост за четверть века, о котором и говорить-то стыдно. Вряд ли можно “наскрести” пяток стран в мире со столь впечатляющими негативными результатами. Я уже молчу о развитии науки и техники, где наше отставание стало ещё бóльшим.

Впрочем, это не мешает сторонникам выбора западного пути развития для России утверждать, что именно наше “упрямство” и нежелание последовательно идти в рамках западной модели развития и являются главной причиной наших трудностей и проблем. Однако для большинства объективных учёных и политиков очевидно, что результаты применения в постсоветской России средств и методов социально-экономической политики, взятых из арсенала Запада, не добавляют аргументов в пользу перехода нашей страны в ареал Западной цивилизации.

По нашему мнению, в книге Ю. Ф. Година в недостаточной степени затронут один принципиальный вопрос: в какой мере решимость руководящих сил в какой-либо стране соотносится с целесообразностью изменения своей цивилизационной идентичности и переходом на другую, более эффективную, по их мнению, цивилизацию, или просто на другую, осуществима в принципе, даже если она поддерживается большинством населения и политических сил? Большинство людей инстинктивно предполагают, что подобная трансформация в этом случае вполне возможна. Главное — дружно захотеть. Позитивные примеры такого рода имеются. Но ещё больше примеров отрицательных, когда переход на другую цивилизацию оказался невозможным, несмотря на активное желание обеих сторон. Нередко цивилизация принимающей стороны разрушалась, в лучшем случае модифицировалась, но желаемый эффект не наступал. Причина, на наш взгляд, заключалась в различии базовых условий для преобразований. Условно это можно назвать “несовместимостью тканей”. Здесь можно привести аналогии с попытками перенесения отдельных сортов винограда из страны в страну с целью получения различных знаменитых марок вина, в частности французских сортов винограда и соответствующих марок вин в американской Калифорнии, в Чили, Аргентине. Французские марки винограда и вин не воспроизводились, хотя иногда новые (“старые”) сорта получались неплохими. Но — другими. Причина — несоответствие условий окружающей среды. Что-то было не так.

Специфический японский, достаточно распространённый и в настоящее время феномен: найм работника компанией фактически на пожизненный срок. Причём зарплата работника определяется не столько количеством и качеством труда, сколько продолжительностью найма. По всем западным теориям это абсолютно контрпродуктивная система. Однако в Японии она в целом давала неплохие производственные результаты. Можно ли вообразить, что подобная система, скажем, в России была бы эффективной? Абсолютно нереальная ситуация! К сожалению, даже самый удачный опыт далеко не всегда можно переносить из одной страны в другую. Тем более это относится к таким всеобъемлющим явлениям, как цивилизации. Как правило, намерения со сменой цивилизации бесперспективны и даже опасны. Разрушать легко, а построить что-нибудь путное трудно, особенно когда имеешь дело со столь грандиозными проектами. Лучше поискать ключ к счастью в своём собственном кармане.

Как уже упоминалось, особое место в монографии Ю. Ф. Година занимает анализ исторического развития и взаимоотношений России, Украины и Беларуси. Он их анализирует как следствие идеологических, политических и этнических противоречий между этими народами. Отсюда в работе Ю. Ф. Година столь большое внимание к теоретическим спорам вокруг этнических и национальных проблем в исторической ретроспективе. На наш взгляд, автор делает свой анализ весьма квалифицированно.

Для работы Ю. Ф. Година характерна сильная эмоциональная вовлечённость в исследуемые им проблемы. Особенно когда его анализ касается взаимоотношений России и Украины. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что эти проблемы становятся более интересными и наглядными для читателя и позиция автора приобретает большую эмоциональную убедительность. Плохо потому, что “страстность” временами переходит в “пристрастность”. Как однажды сказал С. Есенин, где страсти говорят, там правды не добьёшься. Для сохранения объективности всегда необходима изрядная доля “ума холодных наблюдений”. Впрочем, было бы несправедливым обвинять Ю. Ф. Година в том, что у него эмоцио-

нальность доминирует в выводах. Она им сопутствует, но не определяет результат. Однако всё же далеко не со всеми умозаключениями автора могут согласиться даже люди, в целом разделяющие его позиции.

Ю. Ф. Година можно понять: уж слишком высоки ставки в этих баталиях. Ведь от характера взаимоотношений в “славянском треугольнике” во многом будет зависеть судьба этих стран и народов, а также представляющих их государств. Например, автор этих строк — белорус, родившийся в Беларуси, но проживший почти всю свою жизнь в России. Мои предки переселились в Беларусь с Украины в XIX столетии и стали белорусами. По языку, традициям, культуре, мировосприятию я сам ощущаю себя русским, но всё же, так сказать, “белорусским русским”, выражаясь терминами американской политологии, хотя во мне не течёт ни капли русской крови. Таких у нас миллионы. И я крайне болезненно переношу попытки разредить, противопоставить и рассорить наши народы под разными, высосанными из пальца предлогами. Временами очень хочется “врезать промеж глаз” авторам таких попыток, хотя я понимаю всю “неполиткорректность” моих чувств.

Ещё одна черта монографии — предельная откровенность автора и отсутствие боязни кому-нибудь не понравиться из-за “крутизны” своих выводов. Он “лупит по мордам” без всякого пиетета, хотя это нередко делает его лёгким объектом для критики. На меня, в частности, большое впечатление произвела глава, посвящённая Белоруссии, где Ю. Ф. Годин на обширном и объективном материале показывает пристрастность и травлю, которые обрушиваются на президента Беларуси А. Г. Лукашенко со стороны ряда российских средств массовой информации либеральной направленности с целью испортить отношения между Россией и Беларусью — самым последовательным нашим союзником. В этих СМИ по отношению к событиям и процессам в Беларуси господствует подход “или плохо, или ничего”. Обычно в нашей прессе, даже не согласной с позицией либералов, стараются избегать острых углов. А они в данной области очень часто острые.

В целом, на наш взгляд, книга Ю. Ф. Година, несомненно, оставит заметный след в сознании многих людей, интересующихся политическими и экономическими процессами в “славянском треугольнике”.

*Александр Иванович Бельчук, доктор экономических наук,
профессор Всероссийской академии внешней торговли,
лауреат Государственной премии СССР*

Глава 7 “UKRAINA” – “ТРОЯНСКИЙ КОНЬ” ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Знаю, подло завелось теперь в земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего пролает, как пролают бездушную тварь на торговом рынке... Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлюку жизнь свою, готовый муками испугать позорное дело...

Н. В. Гоголь, “Тарас Бульба”

7.1. Геополитический проект развала Государства Российского и ослабления русского этноса

“Ukraina” — это не только название страны, а этнонационалистический и геополитический проект, который был изобретён ещё в далёкие средневековые времена рядом европейских стран с целью ослабления Государства Российского путём отторжения от него русских земель Западной Руси

с проживавшим там русским населением. Поэтому название проекта с самого начала его зарождения писалось не кириллицей, а на латинице.

Первоначально проект “Ukraina” сформировался в западноевропейских умах, а затем воплотился в действиях на землях Западной Руси, когда они были захвачены Речью Посполитой, а позднее – частично Австро-Венгерской империей, то есть исконно русские земли Западной Руси оказались отторгнутыми от Восточной Руси. Раскол русского этноса и колонизация территорий по берегам Днепра, Галиции и Буковины происходили на основе польско-австрийско-германской идеологии существования якобы особого “украинского” народа.

В конце Первой мировой войны земли юго-западного края России были оккупированы войсками Германии, которая намеревалась создать отдельное марионеточное государство “Ukraina” – “Украинская держава” во главе со своим ставленником гетманом Павлом Скоропадским.

После Октября 1917 года большевики подхватили западный проект по разединению русского этноса, который до этого всегда являлся государствообразующим народом, а многонациональная Российская империя называлась тогда русским государством – так её именовали на Западе. Новые управленцы Государства Российского – большевики – в рамках большого дерусификаторского эксперимента создали Союз Советских Социалистических Республик (СССР), а в его составе – Украинскую Советскую Социалистическую Республику (УССР), или квазиреспублику под названием “Украина” (с правописанием на кириллице). В её состав были искусственно включены (отторгнуты от России вместе с русским населением) Новороссия – юго-западные российские губернии, Малороссия, а также бывшие австро-венгерские провинции Восточной Галиции и Буковины (после 1939 года). В 1954 году Никита Хрущёв волевым решением присоединил к Украине полуостров Крым, где проживало преимущественно русское население.

Советский проект “Украина” появился в результате большевистской политики национального самоопределения народов (так называемой политики “коренизации”). Реализация данной политики включала разработку теории о существовании трёх братских народов, составлявших когда-то в Древней Руси особый народ, получивший название “восточные славяне”. Советские теоретики опирались на идею, придуманную русофобски настроенными польскими и малороссийскими (украинофилами) интеллектуалами, что великороссы и малороссы – это не ветви и не народности одного этноса, а разные нации. Интенсивная пропаганда малорусского сепаратизма, процветавшая до Октября 1917 года, была подхвачена большевиками, которые и создали уже собственный проект под названием “Украина”, хотя народ Малороссии никогда не считал себя особой, отличной от русских нацией. Поэтому коммунистические деятели начали практически с нуля создавать украинскую нацию, украинский язык, украинское государство, украинскую культуру и другие атрибуты искусственной государственности несуществующего народа. Почему это случилось? Почему это необходимо большевикам?

Вплоть до Октября 1917 года в так называемой интернациональной верхушке РСДРП(б) русских товарищей надо было ещё поискать. Используя недовольство русского большинства для захвата верховной власти в стране, эта верхушка не могла себе позволить сохранить государствообразующее этническое ядро бывшей Российской империи. По тогдашнему мнению большевистских лидеров, в коммунистическом рае ни русский народ, ни русская культура, ни православная вера и цивилизация не должны были доминировать и даже существовать. Например, для них русская культура была лишь “русским великодержавным шовинизмом”, а православная религия с её духовными скрепами особой русской цивилизации (как и другие религии) объявлялась “опиумом для народа”. Поэтому неслучайно после Октября 1917 года интернациональная верхушка большевиков уничтожала физически в первую очередь известных и авторитетных носителей русской культуры и духовных пастырей Русской православной церкви.

В соответствии с большим дерусификаторским проектом русский этнический монолит был распилен на три части и объявлен “тремя братскими народами”. Таким образом, антирусская “Ukraina”, гипотетически рождённая гением поляков, австрийцев и германцев, воплотилась гением большевистской железной воли в реальный советский проект “Украина”. Естественно, тогда

никто не спрашивал у русских людей – великороссов и малороссов, – хотя ли они быть “украинцами”, говорить не на русском, а на “украинском” языке, жить не в России, а в квазиреспублике. “Украинский вопрос” решался очень просто, если вспомнить выступление товарища Сталина на X съезде партии в 1921 году: “Если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизованы” (63, с. 81). Это было серьёзное заявление нарождавшегося нового вождя, и с ним никто не спорил. И “процесс пошёл”, как говаривал уже в наше время последний советский “перестройщик”, а тогда – в 1920-е годы – в ходе перестроечного процесса, большевики ломали через колено всех жителей новообразованной республики, стремясь путём так называемой “коренизации” переделать их из русских в украинцев, создать ускоренными темпами “украинскую нацию” и сформировать “украинскую культуру”.

Следует особо отметить, что большевистская политика сознательной дерусификации России, плоды которой мы пожинаем в полной мере особенно сегодня, через 100 лет, осуждалась с самого начала как внутри страны, так и соратниками большевиков за рубежом. Например, Роза Люксембург открыто обвинила Ленина в искусственном насаждении на Украине его доктринёрской агитации за “право на самоопределение вплоть...” и т. д., назвав “украинский национализм в России”, в отличие от чешского или финского, “не более чем простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко” (64, с. 22-23).

Несмотря на критику зарубежных коммунистов и отрицательное отношение к украинизации большинства населения новообразованной советской республики, проект “Украина” был тем не менее реализован с помощью мощного партийного аппарата и советской государственной машины. Когда граждане СССР стали иметь в обязательном порядке паспорт, то в графе “национальность” главного документа гражданина, проживавшего, например, в УССР, стояло “украинец”. Против этого решения “сверху” в конце советского периода никто уже не возражал, так как для русских, украинцев и белорусов, также как для граждан других советских республик, “национальный вопрос” на официальном уровне уже якобы не существовал. Все они составляли новую общность – советский народ – и являлись “строителями коммунизма”. При этом национальная принадлежность не вступала в противоречие с национальной идентичностью, а проявление хоть какого-нибудь узкого национализма жёстко, всеми мерами пресекалось в зародыше.

Таким образом, на протяжении более 70 лет после Октября 1917 года в СССР сознательно и целенаправленно осуществлялся демонтаж самого крупного и государствообразующего этноса – восточных славян. В результате обособления двух ветвей русского народа – малороссов и белорусов – от общерусского этнического поля, оформленного в виде украинского и белорусского национальных проектов, появились Украинская ССР и Белорусская ССР. Как уже упоминалось, основной вклад в дерусификацию западных русских земель внесла национальная политика Москвы советского времени, нацеленная на “коренизацию” и профилактику “великорусского шовинизма”. В результате такой политики был нанесён непоправимый удар по русской идентичности и Русской православной цивилизации. Как пишет историк Олег Неменский, “лишение в XX веке русского самосознания многомиллионных масс населения УССР и БССР через навязывание ему нерусских национальных идеологий – самый большой дерусификаторский эксперимент в истории, впечатляющий быстротой реализации и глубиной последствий” (цит. по: 77, с. 58). Большевистская политика по расколу государствообразующей нации, отделение от неё малороссов и белорусов и превращение их в отдельные “украинский народ” и “белорусский народ” с ускоренным навязыванием населению УССР и БССР, соответственно, “украинского” и “белорусского” языков в конечном итоге привели к усилению сепаратистских движений на территории Западной Руси и территориальному расколу единого народа восточных славян в 1991 году. Если в советское время “русских”, “украинцев” и “белорусов” всё-таки называли триединым народом, то после 1991 года, когда Украина

и Белоруссия провозгласили свою политическую независимость, они стали впервые в истории самостоятельными, отдельными государствами, в которых “украинцы” и “белорусы” стали отдельными нациями, а их государственными языками стали, соответственно, украинский язык и белорусский язык. Однако, как показывает практика, малорусский и белорусский диалекты по-прежнему доминируют только на бытовом уровне и не в состоянии выполнять роль полноценного языка в сфере образования, науки и техники. Поэтому более благоразумные белорусы закрепили в своей Конституции русский язык вторым государственным языком.

По нашим наблюдениям и общению с украинцами и белорусами, особенно представителями национальных научных академий, большинство малороссов и белорусов хорошо помнят, что они именно “русские”, с русскими корнями Древней Руси, и с русским народом составляют одну и ту же цивилизацию.

Как серьёзное предупреждение нынешним русофобским управленцам Украины звучат незабываемые слова Александра Солженицына, с которыми он обратился ещё летом 1990 года к украинским делегатам в Верховном Совете СССР: “Сегодня отделять Украину – значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько – смешанного происхождения; сколько смешанных браков – да их никто “смешанными” до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими” (67, с. 47).

Используемый самостийниками термин “украинский народ” – это понятие к реальным историческим явлениям никакого отношения не имеет, оно порождение политической идеологии, а не этнической истории. Так называемые “украинцы” используют зачастую этот эвфемизм для обоснования своих устремлений на украинизацию тех земель нынешней левобережной Украины, которые были заселены ещё во времена Екатерины Второй – Потёмкина (вторая половина XVIII в.) крестьянами-переселенцами из Курской, Орловской, Тамбовской и других чисто русских губерний, а также претензий на южную часть России. Исследователь антирусского движения сепаратистов в Малороссии Сергей Родин аргументированно отмечает, что со времён Киевской Руси и по настоящее время этническая принадлежность населения Малороссии не изменилась; оно принадлежало и принадлежит как составная, органическая часть к русской нации и не отказывается от русского языка. Так, по данным на июнь 2002 года, на Украине среди молодых людей в возрасте до 21 года только 20% разговаривали исключительно на украинском, тогда как исключительно русский используют 60% молодёжи (69, с. 262, 274).

Проповедники “украинства” делают всё, чтобы внедрить в сознание южнорусского населения те стереотипы, на которых были воспитаны “настоящие украинцы” Галичины. Жителям других регионов Украины внедряют в сознание миф, что есть западные украинцы – это те, кто сохранил якобы многовековые традиции украинства, и на них должны равняться восточные украинцы. Обосновывая разрыв с Россией, с нашей единой цивилизацией, бывший президент Украины Леонид Кучма в своём националистическом катехизисе под названием “Украина – не Россия” безапелляционно утверждает: “Западный украинец гораздо ближе по своим понятиям и привычкам к чеху, поляку, в чём-то даже австрийцу, чем к русскому или восточному украинцу” (72, с. 60). Вот вам и ответ, почему в Киеве следуют постулатам галицийской идеологии, разрушают духовные ценности и символы общерусской цивилизации ради перехода в Западный мир с иной цивилизацией.

Кучма фактически подвёл идеологическую базу и этносоциальное обоснование для оправдания нынешней раскольнической позиции Киева. Поэтому нынешние самостийники исключили восточную часть населения Украины из состава титульного населения страны.

В ответ Кучме и К° приведём вердикт-заключение Александра Солженицына, который всегда считал себя связанным неразрывными духовными нитями и с Украиной, и с Белоруссией: “Сам я – едва не наполовину украинец и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провёл большую часть своих фронтовых лет...” (67, с. 45–46). И далее, обращаясь “к тем и другим” ещё из далёкого американского Вермонта, подчёркивая, что “не извне, а как свой” знаменитый нобелевский лауреат по литературе, с отменным багажом языкознания и исторических событий достойно

отвечает русофобским политикам в Киеве: “Да, народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё – придуманная недавно фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым нерусским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, “откуда русская земля стала есть”, по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство”. В историческом плане, отмечает писатель, нами правили одни и те же князья, такое же единство наблюдалось в служении митрополитов, народ Киевской Руси создал Московское государство, белорусы и малороссы всегда считали себя русскими даже при насильственном их включении в состав Литвы, Польши и Австрии, борясь против смены национальности и религии, а возврат этих земель в Россию считали **Воссоединением** (67, с. 45, 46).

Развал Советского Союза вызвал беспрецедентный всплеск этнического национализма в союзных республиках, большинство которых в своё время возникли по воле большевиков на основе “права наций на самоопределение вплоть до отделения” из зачастую произвольно сшитых кусков из тела “тюрьмы народов” под видом разных “украин” и теперь на наших глазах столкнувшихся в политическом и военном противостоянии. По всей вероятности, если бы не был нарушен естественный ход развития России, вместо нынешней Украины были бы малороссийские губернии России и малороссийская ветвь русского народа. Другими словами, если бы не ленинская так называемая “национальная политика”, ни “Украины”, ни “украинцев” просто не было бы, а был бы юго-западный край России. Когда украинские националисты типа первого президента “незалежной Украины” Леонида Кравчука утверждают, что Россия поработила Украину, то ему следует напомнить: почему-то 73% населения Украины на референдуме 17 марта 1991 года проголосовали за сохранение СССР, чтобы по-прежнему жить вместе с Россией.

Провозглашение самостоятельности Украины 24 августа 1991 года (после путча ГКЧП) положило начало распаду советского проекта “Украина”. Современная Украина как советский проект самостоятельно, вне СССР, с разорванными связями с Российской Федерацией, как оказалось в реальности, вряд ли жизнеспособна. Все годы “незалежности” Украина жила за счёт потребления тех материальных и технических ресурсов, которые ей достались от Советского Союза, и сохранявшихся до последнего времени торгово-экономических и производственно-кооперационных отношений с Россией.

Как будет показано ниже, перспектив выживания у Украины как самостоятельного государства в процессе “пересдачи карт Истории” практически мало. К такому выводу приходят как западные, так и украинские специалисты. Например, Самюэль Хантингтон предрекал развал Украины ещё в начале 1990-х годов. По его мнению, цивилизационная линия разлома делит Украину на православную восточную и униатскую – западную части, что предопределяет возможность её раскола (см. 2, с. 41).

Украинские историки Андрей Ваджра и Ростислав Ищенко убедительно показывают, что камуфляжный проект “Ukraina”, переросший в дальнейшем в советский проект “Украина”, основывался на ложной идее “Анти-Россия”. При этом “украинство” во все времена было частью большого антирусского проекта. Выпячивание постсоветской, исключительно одноплеменной “украинскости” в ставшей “незалежной” Украине представляет собой некую разновидность погибшей в 1991 году “советскости”. Сегодня всем понятно, что в примитивности, местечковости, несамостоятельности, в отделении себя от Русского мира заключается беда “украинства”. С провозглашением украинской “незалежности” многие граждане Украины увидели в действиях её националистически настроенных руководителей лишь пародию на национальную идентичность и пришли к выводу, что Украина обречена на развал из-за целого ряда субъективных и объективных причин, а дальнейшая реализация украинскими националистами проекта “Незалежна Украина” стала практически невозможна (см. 65; 66). Распад Украины, по утверждению Андрея Ваджры, начался в момент провозглашения её независимости от СССР (а точнее – России). Украинский аналитик (себя он называет малороссийским или малороссом. – Ю. Г.) считает, что “созданная большевиками в рамках советского проекта Украина как самостоятельное государство” нежизнеспособна, новый проект так и не возник, с самого начала “незалежности”, создавать его было некому (65, с. 17). Возникает главный вопрос: “Что ждёт Украину? Каковы

будут цивилизационный раскол “незалежной Украины” и его исход, то есть как будет решён вопрос дальнейшего пути развития страны, если всё-таки сохранится её государственность? Однако всем абсолютно ясно, что судьба Украины будет зависеть от итогов гражданской войны.

Без сомнения, прекращение войны на Украине зависит от политической воли лидеров США и России, и в меньшей степени – от участия ведущих стран Евросоюза. Явное и первое серьёзное столкновение цивилизаций на европейском континенте после окончания “холодной” войны требует от научного исследователя более подробного анализа украинских событий. Нам в России вполне очевиден факт, что от решения судьбы Украины в ту или иную сторону напрямую зависит и судьба самой России.

7.2. Генезис проекта “Анти-Россия”

Геополитические реалии, сложившиеся после развала Советского Союза, свидетельствуют о том, что ни в Америке, ни в Европе не хотят усиления России в рамках сохранения её традиционного тесного взаимодействия с Украиной и Белоруссией. Сегодня на наших глазах усугубляется драма Украины, ужесточается трагедия украинского народа, составляющего неотъемлемую часть Восточнославянской цивилизации в составе “славянского треугольника”.

Многие задаются вопросом: почему, с одной стороны, Запад вцепился мёртвой хваткой в Украину, которая даже не является членом НАТО, поддержал свержение Виктора Януковича, законно избранного президента, содержит нелегитимную власть в Киеве, опирающуюся на крайне радикальных националистов, неонацистов-бандеровцев, русофобов и антисемитов, а с другой – Российская Федерация поддержала волеизъявление Крыма и Севастополя о возвращении в состав России и готова идти до конца с народом юго-западной Руси наперекор угрозам и санкциям со стороны Вашингтона и Брюсселя?

Различные парадигмы позволяют сделать прогнозы, точность которых выступает ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории. К примеру, использование **статистического подхода** для исследования и анализа нынешнего этапа взаимоотношений России и Украины, в которые заинтересованно вмешался Запад, позволяет предположить, что обе родственные стороны готовы развязать соперничество на грани войны по вопросам безопасности (см. 2, с. 41). При этом, как метко заметил Александр Солженицын, “Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины” (67, с. 191).

По нашему мнению, чтобы правильно и научно обоснованно ответить на поставленные вопросы, требуется цивилизационный подход – новый теоретический и методологический подход к раскрытию природы и характера нынешнего серьёзного столкновения Запада и России в их новейшей истории из-за Украины. Это связано с тем фактом, что, оставив в прошлом конфликты и войны, возникавшие из-за идеологического противостояния и открытых империалистических устремлений территориального захвата у противника, человечество вступило в XXI веке в новую стадию выяснения междержавных взаимоотношений среди основных мировых игроков, которое следует квалифицировать как столкновение цивилизаций.

Как представляется, именно полицивилизационный подход в условиях, когда участники столкновения имеют уже не разные, а одну и ту же социально-экономическую систему, поможет раскрыть более точно современную драму Украины как результат и следствие не прямого, а, к счастью, пока косвенного столкновения Запада с Россией. Правда, некоторые политологи квалифицируют нынешний межцивилизационный разлом в дилемме “Запад – Россия” как предтечу Третьей мировой войны.

Сегодня абсолютно всем понятно, что во многом от разрешения возникшего не по вине Российской Федерации межцивилизационного столкновения будет зависеть судьба непосредственно России и Украины – судьба объединяющей нас с ней Восточнославянской цивилизации, а также дальнейший ход мирового развития в целом.

Значимость предлагаемого научно-исследовательского подхода заключается в том, что, по утверждению Самюэля Хантингтона, “цивилизационный

подход предполагает сотрудничество между Украиной и Россией”, а не войну между ними (2, с. 42). При этом американский социолог подчёркивает, что, в отличие от статистического подхода, полицивилизационный подход делает акцент на весьма тесных культурных, исторических и религиозных связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах (2, с. 41, 211). Таким образом, для нас – российских исследователей – принципиально очень важен теоретический посыл Самюэля Хантингтона по будущей судьбе Украины: “В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает её до минимума и подчёркивает возможность раскола Украины” (2, с. 41). Разделяя и поддерживая “взгляд со стороны” западного специалиста, попытаемся, со своей стороны, развить его позитивные научные воззрения и начнём с исторической ретроспективы.

Со времён Киевской Руси (IX – начало XII вв.) проживающие сегодня на её территории русские, украинцы и белорусы в трёх независимых государствах считались на Западе (до 1917 года) единым народом – восточными славянами – и назывались единым именем – русским народом. По цивилизационной теории Тойнби – Хантингтона, в рамках этого, тогда единого народа стала формироваться Русская православная цивилизация. Её начало в IX веке положило введение христианства в грекоправославной (византийской) форме как государственной религии.

В 30-х годах XII века произошёл распад Киевской Руси как государства вследствие усиления феодальной раздробленности русских земель и обострения межкняжеских отношений. Обособление Западной Руси и Руси Восточной привело к образованию Киевского княжества. В 1240 году оно было разорено монголо-татарами, а с 1362 года включено в Великое княжество Литовское. В 1569 году в результате объединения Польши и Литвы земли Западной Руси (территория Украины по берегам Днепра и земли Белоруссии) с населявшим их русским населением вошли в единое государство – Речь Посполитую. Объединённое польско-литовское государство просуществовало до 1795 года и по итогам трёх его разделов (в 1772-м, 1793-м и 1795 годах между Пруссией, Австрией и Россией) земли Восточной Галиции отошли к Австро-Венгерской империи, а территория нынешней Западной (правобережной) Украины и Белоруссии – к Российской империи. С 1918 года австрийские провинции Восточной Галиции стали принадлежать Польше, а в 1939 году были включены в состав СССР и переданы Украинской ССР.

Население Западной и Юго-Западной Руси вело многовековую борьбу с польско-литовской шляхтой и одновременно с турецкой агрессией, а также с постоянными разорительными набегами крымских татар.

Освободительная война народа Западной Руси (1648–1654) под руководством Богдана Хмельницкого завершилась **воссоединением** её левобережной части с Россией. Во второй половине XVIII века южные земли Западной Руси были освобождены от турецкого ига и включены в состав Российской империи. Правобережные земли (по Днепру) Западной Руси воссоединились с Россией в конце XVIII века после упомянутого раздела Речи Посполитой. В 1783 году состоялось присоединение Крыма к Российской империи, прекратившее разорительные набеги крымских татар на русские земли.

Таким образом, после развала Киевской Руси в XII веке русский народ, населявший территорию Западной Руси, испытал и многовековой польско-шляхетский и австро-венгерский гнёт, и сильнейшее воздействие на формирование цивилизационной идентичности со стороны захватчиков-поляков, затем со стороны Австро-Венгерской империи, и вновь (после 1918 года) поляков. Именно в те времена и возник **антирусский проект “Ukraina”**.

В свою очередь, Восточная Русь до развала Киевской Руси концентрировалась в рамках удельного Ростово-Суздальского княжества. На его месте к середине XII века образовалось Великое Владимиро-Суздальское княжество, которое в 1238 году подверглось опустошению в ходе монголо-татарского нашествия. В XIII–XIV веках титул Владимирского Великого князя считался главным в Северо-Восточной Руси. С конца XV века – в результате объединения в конце XV–начале XVI веков русских земель вокруг Москвы – Московского Великого княжества – территория Северо-Восточной Руси вошла в его состав, что послужило началу процесса складывания нового Русского централизованного государства.

Русские земли испытывали монголо-татарское иго с 1243-го по 1480 год, хотя после Куликовской битвы (1380) оно носило ослабленный характер. Надо признать, что монголо-татарское нашествие и подчинение русских земель Золотой Орде не изменило славянскую идентичность народа Восточной Руси, в отличие от условий польской и австрийской колонизации земель Западной Руси, при которой русские люди подвергались жестокому и насильственному формам ополячивания-онемечивания и окатоличивания,

Если во времена Речи Посполитой большая часть западнорусской знати ассимилировалась польской властью – и по языку, и по культуре, и даже поменяла религию, то крестьянская масса, считавшаяся холопами, не хотела расставаться со своим национальным именем “русских” и “русин” и противилась предавать свою Православную веру.

Первые “украинцы” появились в конце XIX века в австрийской Галиции. Туда после разгрома польского восстания 1863 года из юго-западных губерний России бежало большое количество польской интеллигенции. Очередное поражение вызвало у неё такой накал ненависти ко всему русскому, что мелкие маргинальные группы так называемых украинофилов под её воздействием психологически мутировали из литературно-политического сепаратистского движения в “украинскую этническую группу”. Короче говоря, радикально настроенные галицийские национал-демократы из “Молодой Украины” вдруг по политическим соображениям отказались от своей национальной принадлежности – имени “русин” – и провозгласили себя “украинцами”. После этого с их подачи началась промывка мозгов у населения Прикарпатья. Эта кампания постепенно перекинулась на малороссийские губернии России. Поляки мыслили масштабно. Сначала они стремились сделать не просто нерусской, а точнее антирусской Галицию, чтобы затем использовать её в качестве плацдарма для атаки против России. Русские Червонной Руси, переделанные в “украинцев”, должны были нести разлагающий яд сепаратистской пропаганды вглубь России и с течением времени сепарировать от неё Малороссию под видом “Украины”. В 1892 году газета львовско-польской шляхты “Przegląd” (№ 168) откровенно заявила на своих страницах, что “если в чувствах малорусского народа существует сильная ненависть к России, то возникает надежда, что в будущем, при дальнейшем развитии этих чувств, будет возможно выиграть против России малорусский козырь” (65, с. 21).

В конце 1890-х годов небольшая кучка идеологов “украинства” во главе с профессором истории М. С. Грушевским в рамках работы львовского научного Общества им. Тараса Шевченко создала прототип литературного украинского языка, а также нечто, что ими было объявлено украинскими “наукой” и “литературой”. На этой идеологической основе “свидомые” энтузиасты объявили о существовании “отдельной самостоятельной нации украинцев”.

В нашу задачу не входит ознакомление читателей в подробной форме с воззрениями идеологов “украинства”, их объяснением процесса рождения “этнических украинцев”. Этому феномену посвящено довольно много исторической, социологической, философской и этнографической литературы. Поэтому любой может прочитать на эту тему в первоисточниках, изданных во Львове в конце XIX – начале XX века, а также в многочисленных изданиях современных авторов (см., например, 65, 66, 67, 68, 69).

Как нам представляется, в основе зарождения “украинства” лежат международная политическая ситуация в Европе накануне Первой мировой войны и австрийско-германские стратегические интересы, совпадавшие с интересами польских националистов в отношении юго-западного края Российской империи. В конце XIX века австрийские власти искусно использовали и всячески поддерживали украинофильские настроения узкой группы колонизированной интеллигенции в Галиции, направленные против России. Первоначально для борьбы с русской идентичностью большинства жителей Галиции, в основном крестьян, власти Австро-Венгерской империи с помощью украинофильской местной интеллигенции применяли сравнительно мирные методы антирусской пропаганды, запрета издания книг на русском языке и их ввоза из России, преподавания в школе на русском языке, использования русского языка в общественной жизни и т. д. Однако галицийские крестьяне, поддерживаемые Православной Церковью, не хотели менять свою национальную идентичность и порывать со своей, как они считали, большой родиной – Россией. В результате во время Первой мировой войны основная часть населения

Галиции была признана австрийцами предателями и подверглась методам геноцида и жестоких этнических чисток. Впервые в Европе в Австро-Венгерской империи были созданы концентрационные лагеря смерти в Талергофе и Терезине. В них было уничтожено около 200 тысяч мирного населения — галицийских и прикарпатских русинов, чтобы оставшихся запугать и заставить отказаться от своей национальной идентичности. Следует особо отметить, что террор, развязанный австрийскими властями против русских людей, не касался тех лиц, которые согласились стать “украинцами”, то есть клятвенно отреклись от России и сотрудничали с местными властями по выявлению несогласных своих земляков (см. подробнее 66).

Как же указанные исторические события столетней давности напоминают нам — ныне живущим — действия нынешней киевской власти! Так же, как и век назад это делали этнонационалистические власти Австро-Венгрии, их современные последователи в “Незалежной” отменяют и запрещают все атрибуты Русской православной цивилизации, включая русский язык, русскую культуру, православную религию Московского патриархата, то есть всё, что связано с содержанием и названием со словом “русский”. Против непокорных применяется, как и в Австро-Венгрии, жестокий террор по этническому признаку, а Донбасс и Луганск подвергаются каждодневным артиллерийским и ракетным обстрелам. Если не признанные Киевом республики с преимущественно русским населением будут захвачены украинскими войсками, Киев грозит им этническими чистками, а для большинства жителей ДНР и ЛНР уже приготовлены пока пустующие, но уже построенные, как сообщали украинские СМИ, концентрационные лагеря. Россия, конечно, такого поворота событий на Донбассе не допустит. Российская Федерация обязана действовать в соответствии с Федеральным законом “О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом”, принятым Государственной Думой РФ 5 марта 1999 года.

Нынешняя киевская власть, сформировавшаяся после государственного переворота, не только отвергает атрибуты общей для нас Русской православной цивилизации, но и вводит запреты на все без исключения духовные ценности, где присутствует всякое цивилизационное понятие их составляющих со словом “русский”. Управленцы нынешней Украины пошли ещё дальше своих националистически настроенных предшественников (Л. Кравчук, Л. Кучма, В. Ющенко, В. Янукович). Они объявили о существовании “незалежной украинской цивилизации”. В ответ незамедлительно получили цивилизационный раскол Украины: уход Крыма в Россию, с которой также хотят воссоединиться оставшиеся Донецк и Луганск, когда-то входившие в российский регион под названием Новороссия.

Нынешний националистический режим в Киеве захватил путём государственного переворота верховную власть и сформировался с помощью русофобских политических сил в Европе и Америке, в том числе тех стран, которые стояли у истоков антирусского проекта “Ukraine”, — Германии и Польши. По всем признакам Берлин не расстается с иллюзорной мыслью создать, в конце концов, марионеточное украинское государство в ущерб интересам России, с подчинением его немецкой экономике в закамуфлированной форме, то есть якобы в рамках Евросоюза, в котором, как известно, доминирует Германия. Немецкие политики и не скрывают, что хотели бы использовать сырьевую и ресурсную базу Украины, её ёмкий рынок и трудовой потенциал в интересах экономического развития ФРГ, а украинскую территорию — в качестве плацдарма для экономической экспансии в Россию и постсоветское пространство (см., например, 78). Плодородные земли юго-западной Руси во все времена притягивали германских захватчиков. Во время последней войны гитлеровцы вывозили эшелонами чернозём с Украины, из Белгородской и Курской областей России. Сегодня немецкая политика по-прежнему направлена фактически на реализацию лозунга “Drang nach Osten” с помощью методов мирной экономической экспансии и политического прессинга, постепенно ужесточая санкции против Российской Федерации.

В свою очередь, Варшава не прочь поживиться за счёт присоединения Галиции и Волыни в случае развала Украины.

В сложившихся геополитических реалиях сложно предугадать последствия цивилизационного разлома Украины. В настоящее время перед народом Украины стоит дилемма: или сохранить свою цивилизационную идентичность

и остаться вместе с Россией и Белоруссией в Русском мире, или молчаливо согласиться с захватившими власть националистами-бандеровцами и покинуть тысячелетний Русский мир.

Что касается формирования якобы “особой украинской цивилизации”, объявленной украинскими националистами, попытаемся рассмотреть этот феномен в исторической ретроспективе.

Согласно современной цивилизационной теории по Тойнби-Хантингтону, развившим учение Николая Данилевского о возникновении культурно-исторических типов и соответствующих им мировых цивилизаций, **центральными элементами любой цивилизации являются язык, культура и религия.**

В своей книге “Россия и Европа” (см. 8, Глава V) Данилевский сформулировал пять законов исторического развития, связанных с формированием значимых культурно-исторических типов, которые “соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода”, становящимся постепенно в ходе развития самостоятельными цивилизациями. Используя учение Николая Данилевского и открытые им пять законов цивилизационного развития, современные западные социологи Арнольд Тойнби и Самюэль Хантингтон классифицировали восточных славян – нынешних русских, украинцев и белорусов – как носителей **Русской православной цивилизации. После развала централизованного государства – Российской империя/СССР с тысячелетней историей – корректнее и правильнее, по нашему мнению, говорить о России, Украине и Белоруссии – ныне независимых государствах как носителях Восточнославянской православной цивилизации.**

Введение в научный и общественный оборот нового названия цивилизационной идентичности трёх славянских стран обосновывается с нескольких точек зрения и по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, когда в 1991 году ликвидировали единое для нас – русских, украинцев, белорусов – государство и новые, неолиберальные управленцы трёх стран – России (Ельцин), Украины (Кравчук), Белоруссии (Шушкевич – до прихода к власти А. Лукашенко в июле 1994 года) – почти силком потащили нас в Западный мир, объединяющая нас Русская православная цивилизация подверглась в очередной раз сильнейшей эрозии. Три независимых славянских государства разделились по этнографическому принципу и обособились как три ветви одного народа. Их лидеры неолиберального толка незамедлительно объявили о стремлении присоединиться к Западной цивилизации, естественно, в ущерб традиционной русской цивилизации. По большому счёту, с 1991 года Россию, Украину и Белоруссию держит вместе пока оставшийся нетронутым духовный скреп – это Православная вера и Русская Православная Церковь, которая по-прежнему считает все три страны своей канонической территорией.

Речь здесь идёт, прежде всего, о сформулированной ещё Збигневом Бжезинским задаче Запада, направленной на смену цивилизационного кода восточных славян. Стратегическая цель его проекта сводится, в первую очередь, к ликвидации Украинской Православной Церкви Московского патриархата (12-13 тысяч приходов) и формированию того, что самостийниками названо “Украина-Русь”, что признаётся лишь “единая православная церковь с патриаршим престолом в Киеве” во главе с извергнутым Филаретом (4,7 тысячи приходов).

На разъединение триединого русского православного ядра, на цивилизационный отрыв населения Западной Руси шло многовековое наступление латинства на Православие. Ватикан не оставлял попыток вмешательства в дела этой части Руси, когда она была присоединена к Польше; так появились греко-католики (униаты). Прошло уже более 420 лет с тех пор, как в 1596 году митрополит Киевский Михаил заключил с Римом Брестскую унию. Он принял католическую веру и перешёл в подчинение Римскому папе. Униатская церковь была сразу же признана Варшавой, которая видела в этом ещё одну возможность окончательно разорвать все связи Киева и Москвы. В итоге, раскол Русскую Православную Церковь, Ватикан сумел закрепить на землях Западной Руси и не раз использовал униатов в своих целях.

Сегодня униатство – это ядро антирусской идеологии, и с подачи Ватикана Украинская Греко-Католическая Церковь (3,7 тысячи приходов) объявляет себя единственной церковью “украинского возрождения” с целью сокрушить

“Православие и прорусское мировоззрение жителей Украины”. По сообщениям украинских СМИ, вопреки договоренностям Папы Франциска I и Патриарха Кирилла, достигнутым во время их исторической встречи на Кубе в 2016 году, Святой престол пытается добиться от России новых уступок и нового захвата православных храмов униатами. При этом процесс получает законную основу и поддержку со стороны официального Киева, и вернуть назад что-либо уже будет невозможно.

Таким образом, Ватикан и самостийные светские и духовные власти в Киеве фактически игнорируют совместную декларацию двух высших христианских иерархов, в которой Папа Римский признал поощрение униатства как негодный инструмент сохранения единства верующих. Несмотря на нынешние репрессии киевских властей и участвовавшие случаи физического избиения православных прихожан и даже православных священников, особенно при отъеме храмов воинствующими националистами, подавляющее число верующих остаются верными Украинской Православной Церкви Московского патриархата и весьма активно выступают против раскола. К великому сожалению, антироссийски настроенная власть Украины не внемлет предостережению Святейшего Патриарха Алексия II, сказанному им в июльские дни 2008 года в Киеве во время празднования 1020-й годовщины Крещения Руси святым Великим князем Владимиром: “Очень важно, чтобы политические проекты не вторгались в церковную жизнь и не разрушали её, чтобы под влиянием политических факторов в отношениях между Церквями не совершались какие-либо действия, которые могли бы нанести непоправимый ущерб Православию” (цит. по: 48, с. 638).

Тем не менее, когда в Киеве всё настойчивее стали звучать голоса украинских лидеров, что “Украина – это не Россия”, нынешние ультранационалистические управленцы “незалежной Украины”, предпринимая радикальные действия, изымая из оборота традиционные цивилизационные атрибуты со словом “русский”, вступили в борьбу с приходами Русской Православной Церкви Московского патриархата.

Обострению нынешнего кризиса во многом способствовало июльское (2018 года) Послание Патриарха Константинопольского Варфоломея I президенту Украины Петру Порошенко с поддержкой киевских властей в их стремлении урезать каноническую территорию РПЦ. В Послании, в частности, говорится:

“В эти ответственные времена первопрестольная Константинопольская Церковь взяла на себя инициативу восстановить единство православных верующих Украины с конечной целью подарить украинской церкви автокефалию” (цит. по: 54, 24 сентября 2018 г., с. 34). Последующее назначение Константинопольским Патриархом своих представителей-епископов на Украине без согласования с Патриархом Московским и всея Руси и Блаженнейшим митрополитом Киевским и всея Украины, по словам главы синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям с обществом и СМИ Владимира Легойды, “есть не что иное, как беспрецедентно грубое вторжение на каноническую территорию Московского патриархата” (54, 24 сентября 2018 г., с. 33).

Непосредственно в Киеве и на местах, по всей стране, при таких обстоятельствах следует говорить об очередном походе против Православия, напоминая нам средневековые времена насильственного навязывания униатства (греко-католического, а теперь и римско-католического толка) в Западном крае Руси. Надо отдать должное прихожанам – жителям Украины, большинство которых по-прежнему не отказываются, как и их предки, от своей традиционной цивилизации, не перестают быть восточными славянами с корнями в Древней Руси, православными по вере и духовным ценностям, несмотря на внутривосточные и геополитические коллизии, которые переживает их страна и Русский мир в целом.

Во-вторых, несмотря на возрождение Русской Православной Церкви Московского патриархата после падения коммунизма и нарастания её значимого влияния на общественную жизнь как в рамках её канонической территории, так и в мире в целом, параллельно наблюдается заметное ослабление позиций православного христианства – местных поместных церквей – в странах Южной Европы: Болгарии, Черногории и Румынии; особенно это стало заметно после их вступления в Евросоюз и НАТО. Сербия, которую всеми способами тащат в Западный мир, из последних сил сопротивляется этому насильственному процессу.

Таким образом, на наших глазах происходит серьёзный цивилизационный кризис в Южной Европе, переживаемый южнославянскими странами, где главной религией традиционно является Православие. О серьёзности кризисных явлений в православном мире в целом свидетельствует также прецедент разногласия среди мировых автокефальных церквей по участию в Поместном Соборе на греческом острове Крит весной 2016 года под патронатом Константинопольской Церкви. Тогда РПЦ Московского патриархата и ряд других православных автокефальных церквей отказались принять в нём непосредственное участие. Таким образом, к началу XXI века Константинопольская и Русская Церкви превратились в ключевых соперников в борьбе за влияние в православном мире. Это пока ещё не раскол, но на уровне иерархов – серьёзный разлад. Глава отдела внешних церковных связей митрополит Иларион справедливо сравнил происходящее с разрывом дипотношений.

Учитывая упомянутые выше обстоятельства и памятуя при этом, что в XXI веке структурирование человеческой цивилизации стало проходить по ареалам распространения господствующих языков, соответствующей культуры, на которую стали сильно влиять интернет и другие виды и средства массовых всемирных коммуникаций, изменение образов жизни, переплетение цивилизационных атрибутов и т. д., существует опасность испытать нам – восточным славянам – вслед за территориальным размежеванием ещё и духовный раскол. Именно на этот вектор направлена всесторонняя деятельность нынешних управленцев в Киеве при полной поддержке Запада. Единственное противоядие таким устремлениям – это сохранить духовное единство восточных славян и объединяющую их Православную веру, которая поможет сберечь нашу общую цивилизационную идентичность. Сегодня проблема не в том, что три ветви общерусского народа живут в разных государствах. На самом деле это не главная проблема. **Ключевая проблема заключается в том, что за советский период бывший когда-то славянский народ-монолит был размыт, расколот с помощью дерусификаторского проекта и перестал считать себя единым народом, с единой культурой и единым языком. Осталась единой по осознанию главным образом Православная вера с её православными ценностями.** И причиной этой ситуации не следует считать геополитику, которая в данном случае всё-таки второстепенна. Истинной причиной разделения единого русского этноса на русских, украинцев и белорусов стал проект “Анти-Россия”. За прошедшие столетия он преодолел путь от теоретических умозаключений недругов России до практического воплощения в СССР, в результате которого Русский мир теперь находится в полуразрушенном состоянии.

Отталкиваясь от поставленного нами диагноза, попытаемся с помощью цивилизационной теории по Тойнби и Хантингтону ответить на вопрос, смогут ли нынешние националисты-управленцы “Незалежной”, внесшие серьёзный раскол в ареал Русской православной цивилизации, сформировать так называемую частную “украинскую цивилизацию”? От результата исполнения данной затеи зависят судьба “славянского треугольника”, расстановка геополитических сил на востоке Европы при решении дилеммы “Россия – Запад” в ту или иную сторону. Запад заинтересован и дальше участвовать в расколе традиционной цивилизации восточных славян, чтобы наконец реализовать другой антироссийский проект – по формированию “Черноморско-Балтийского союза” – от Эстонии до Крыма, то есть выстроить “санитарный кордон” против России с вовлечением в него потенциальных стран-недругов, в том числе нынешнюю недружественную Украину.

Напомним, что на первое место Николай Данилевский в развитии культурно-исторических типов, которые формируют социальные общности – нации и соответствующие им цивилизации – ставит значимость отдельного языка или группы родственных, близких между собой языков, таких как, например, русский, украинский и белорусский языки.

Ещё две сотни лет назад никакой “украинской нации” и никакого “украинского языка” на территории нынешней Украины и в помине не было, что будет доказано неопровержимыми фактами ниже. В историческом прошлом не существовало государства с названием “Украина”. Согласно историческим хроникам, само название “Украина” произошло от слова “окраина”, с обозначением поляками западных русских земель, которые находились под их трёхсотлетней оккупацией. В Речи Посполитой понятие “украина” соответствовало

значению “пограничье” или “пограничная земля” и использовалось для обозначения территории Киевского, Брацлавского и Подольского воеводств, соседствовавших на юге с Диким полем.

Когда в 1654 году Богдан Хмельницкий подписал акт о воссоединении русских земель левобережной части по Днепру с Россией, **воссоединенная территория тогда составляла всего одну пятую часть нынешней Украины** и как географическое понятие получила в Москве название “Малая Россия” или “Малороссия”. Россия тогда именовалась “Великая Россия”. В XIX веке после окончания процесса присоединения территорий в европейской части к Российской империи с преобладающим русским населением, в том числе по правому берегу Днепра, Россия стала официально именоваться “Великороссией”. Соответственно, население воссоединённой Малой России (Малороссии) тогда называлось не украинцами, а малороссами или малорусами, а народ Великой России (Великороссии) – великороссами или великорусами.

Малорусский этнограф А. Ф. Шафонский (1740–1811) писал о языке малорусского населения, что “он есть славянорусский и различается от великорусского (русского) только произношением и выговором некоторых слов, а в существе вся Малая Россия со всей Российской империей употребляет один язык” (цит. по: 68, с. 5).

Малороссы всегда сознавали себя русскими людьми, не предавали свою национальную идентичность и боролись против ополячивания и окатоличивания. Об этом ярко свидетельствует знаменитая повесть Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”, впервые напечатанная в 1835 году, естественно, на русском языке. В повести малоросса Гоголя запечатлён эпизод борьбы запорожского казачества против польской шляхты, который приобретает масштабность, потому что в нём отразился народный героизм казаков как истинно русских людей.

Слова Тараса Бульбы, вынесенные в эпиграф нашего сочинения, подтверждают истину, которая актуальна и для современной Украины: “Народ не сломлен до тех пор, пока не сломлен его дух – дух Русской православной цивилизации”.

В книге Н. В. Гоголя говорится о русской земле, о русских (слово “украинец” не употребляется, хотя используется название юго-западной части России “Украина”), “о святой православной вере”, которая в веках спланивала триединый народ. Николай Васильевич вложил свои мысли в уста героев своей повести, когда они бились с ляхами и, умирая от ран, говорили своим товарищам на последнем вздохе предсмертные, искренние слова – вдохновенные напутствия будущим поколениям, пожелания нам, потомкам: “Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля!” (атаман Мосий Шило), “Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!” (Степан Гуска), “Пусть же славится до конца века Русская земля!” (Бовдич), “Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!” (Кукубенко) (62, с. 141, 142, 143, 144).

Таким образом, знаменитый малороссийский писатель и герои его хрестоматийной повести – запорожские казаки – считали себя неотделимыми от Русской земли, Православной веры и разговаривали на русском языке, но с определённым выговором. Например, слово “казаки” писатель использовал в малорусской разговорной манере как “козаки”, то есть через букву “о”. В такой же манере, с выговором буквы “о”, до сих пор разговаривают, например, жители русского Пошехонья, откуда родом автор данного сочинения. Только при переезде на новое местожительство в Подмосковье моя семья постепенно стала разговаривать на русском языке “по-московски”, то есть на “а”. Другими словами, население Западной Руси и жители Восточной Руси в разговорной и письменной форме использовали правильный русский язык – как говорили, так и писали.

Однако многовековая колонизация земель Западной Руси со стороны Польши не прошла бесследно для разговорной речи её жителей. Например, герои гоголевской повести обращаются друг к другу, используя русские и польские слова: “Панове” наряду с “товарищи” или “панове-братове”. В отторгнутых Польшей и Австрией русских землях возник в обиходе искажённый язык, нашпигованный польскими и немецкими словами. Польские и австрийские колонизаторы на захваченных землях с русским населением проводили политику жёсткой дерусификации, чтобы отучить русских людей от русской речи и русской идентичности.

Польско-малороссийские украинофилы начали создавать так называемый “литературный украинский язык” на основе малороссийского наречия, с обильными заимствованиями из польского языка. Это наречие села, бытового общения русских холопов Речи Посполитой, естественным образом перенявших в течение нескольких столетий слова и обороты из языка своих господ. В народе данное наречие называют **суржиком**.

Малороссийское наречие использовалось русофобами в качестве прикрытия при издании литературы для крестьян Галиции и Малороссии с целью анти-русской пропаганды и южнорусского сепаратизма. При этом поляки-руссофобы и народившиеся “украинцы” печатали книги на “ридной мове” в австрийской Галиции, а затем распространяли их среди прикарпатских русин и завозили на территорию Малороссии. В Вене издавались также популярные социалистические брошюры на малороссийском наречии для нелегального распространения в России. При этом австрийцы запретили ввоз на территорию Галиции любой литературы, изданной в России на русском языке, который Веней был фактически объявлен вне закона.

Необходимо отметить, что именно наличие общего для малороссов и великороссов языка не давало покоя шляхте ещё во времена Речи Посполитой. Поляки во все времена считали главной угрозой своему господству на землях Западной Руси тяготение малороссов к Москве, связанной с ней языком и верой. В рамках Австро-Венгерской империи поляки и малороссийские сепаратисты объединили общие интересы и ратовали за формирование отдельной украинской нации и государства, в котором должен быть отдельный язык, максимально непохожий на русский язык. Так возникла совместная идея создания “литературного украинского языка”. В результате общих усилий польских и малороссийских русофобов во второй половине XIX века в Галиции стал создаваться “древний украинский язык”, которым стал фактически искусственно созданный новый русско-польский язык.

В процесс долговременной “украинизации” и формирования “литературного украинского языка”, естественно, был активно вовлечён “национальный Кобзарь” Тарас Шевченко (1814–1861), а не Николай Гоголь, который на самом деле является лидером среди малороссийских литераторов и признанным авторитетом в России. Точнее сказать, украинофилы использовали имя и литературное творчество Шевченко в качестве первоосновы и знаменосца украинофильства, несмотря на то, что Тарас Григорьевич “в литературном сепаратизме грешен не был”, но, однако, проявлял пристрастие к политическому малороссийскому сепаратизму (см. 66, 68, 69).

Известный проповедник культурно-национальной автономии Украины XIX века М. П. Драгоманов (1841–1895) отметил по данному поводу: “Шевченко не имел мысли непременно создавать отдельную украинскую литературу, ибо он писал свои повести по-русски, так же писал свой дневник, сценарий к “Стодоле” (драма “Назар Стодоля” считается одним из главных сочинений поэта, написана в 1843 году. — Ю. Г.) и тому подобное; видимо, Шевченко выбирал себе язык более лёгкий и более подходящий для данного случая, а **не думал непременно создавать особую самостоятельную литературу и язык**” (цит. по: 68, с. 10). Кроме того, чтобы утвердиться в русской литературе, где в это время тон задавал великий Гоголь, у Тараса Шевченко не было никаких шансов. Как отмечает известный украиновед Сергей Родин, “слишком убогим и примитивным был его поэтический дар”. Иное дело — произведения на “малороссийском наречии” (68, с. 10). Причём ещё и с русофобской начинкой. Например, в поэме “Катерина” Тарас Шевченко, не скрывая своих чувств, откровенно пишет: “Москали — чужие люди, глумятся над вами” (76, с. 16).

Чтобы стать значимым и войти в ранг “национального пророка” и поэтического “гения”, Шевченко стал писать свои произведения на том разговорном малороссийском **суржике**, который знал с детства и который, несмотря на известную полонизацию, сохранял свою **русскую основу**, почему и был понятен любому **русскому читателю**. Таким способом Тарас Шевченко, а не Николай Гоголь, пробился со своим творчеством вперёд и получил звание “малороссийского Кобзаря”, на которого идеологи малороссийского сепаратизма стали возлагать исключительные надежды, назвав его впоследствии “украинским Кобзарём”.

Попытки литературного использования разговорной малороссийской “мовы”, представлявшей собой смешанный русско-польский диалект, сформировавшийся за время трёхсотлетней польской оккупации, имели место уже в XVIII веке в виде интермедий и виршей. Однако литература на малороссийской “мове” не получала распространения, так как лексический багаж её был крайне беден, в отличие от русского языка, на котором печатались литературные произведения типа “Тарас Бульба” Н. В. Гоголя и который понимали абсолютно все жители Малороссии. Лишь со временем, особенно во второй половине XIX века, в литературных опытах на малороссийской “мове” всё более ясно стала сказываться **политическая составляющая**. Типичным выразителем её явился историк Н. И. Костомаров (1817–1885). Будущего идеолога малороссийского сепаратизма, не знавшего “мовы” и не говорившего на ней до 20 лет, к созданию собственных произведений на малороссийском диалекте подталкивало уже не литературное “баловство”, а сугубо **политические мотивы**. Впоследствии он выставлял именно литературу на “малороссийском языке” в качестве “неопровержимого” доказательства существования отдельного “украинского народа” (69, с. 6, 7). Однако весомых аргументов в защиту наличия отдельного “украинского языка”, принципиально отличного от русского языка, у Николая Костомарова не хватало. В письме к А. Котляревскому в 1859 году он признаётся: “Необходимо написать большую, учёную, филологическую работу, где показать, что **южнорусское наречие есть самостоятельный язык, а не неорганическая смесь русского с польским. Это необходимо, от этого зависит наше “дело”**” (цит. по: 69, с. 8). Именно этим “делом” занимались Костомаров и его соратники – сторонники создания украинской культурно-национальной автономии – всю вторую половину XIX века и вплоть до 1917 года, то есть с этой целью их усилия были направлены на выполнение задачи **по созданию особой самостоятельной литературы и языка**, якобы отличных от русской основы.

Завершающий штрих, как уже было сказано, в создании украинского языка был сделан большевиками. Территориально расширив Малороссию за счёт губерний с русским населением и воплотив мечту предшественников – малороссийских сепаратистов “шляхетского розлива”, – они оформили союзно-государственное образование под названием Советская Украина – УССР, затем систематизировали и стандартизировали галицийский жаргон, более широко наполнили его польскими словами и новоязом, а в 1928 году постановлением СНК УССР объявили его “украинской мовою”. С тех пор она стала “родной” для всех “украинцев” – бывших малороссов и новорождённых (новоявленных) “украинцев” – бывших великороссов.

Большевистский подход к языкостроению хорошо выразила украинский языковед того времени Олёна Курило: “Ни один литературный язык, кроме украинского, не претерпел в процессе своего развития такого внезапного изменения за недолгое время, только с революции 1917 года” (цит. по: 65, с. 87). Это и понятно. Ведь одно дело – говорить на бытовые темы, а другое – нужно было дать выражения новым культурно-национальным формам жизни, а для этого требовалось “творить новые слова, новые синтаксические, новые фразеологические обороты” на государственном и общественном уровне.

Сегодняшний украинский язык, который преподают в украинских школах и который утверждён в качестве государственного языка, входит в западнославянскую, а не в восточнославянскую языковую группу. Тот украинский язык, который слепили в конце XIX века в Галиции, а позднее – уже в Советской Украине – дополнили до современного уровня, стоит ближе к чешско-польской языковой группе, а не к малорусскому наречию. Вот как объяснял феномен формирования украинского языка выдающийся русский учёный-языковед князь Николай Сергеевич Трубецкой, находясь в эмиграции в Париже, в 1927 году, как раз во время пика советской украинизации, когда он опубликовал ряд статей, посвящённых украинской теме (“К украинской проблеме”, “Общеславянский элемент в русской культуре” и др.). Размышляя в своей работе “Общеславянский элемент в русской культуре” о возможном, наиболее оптимальном и естественном пути создания литературного украинского языка на основании сугубо малорусского наречия, Трубецкой пишет: *“Естественный путь для создания нового украинского литературного языка должен был бы заключаться в примыкании к уже существующему русскому*

литературному, в тщательном сохранении церковнославянской стихии этого языка одновременно с заменой его средневеликорусской стихии малорусской. Однако тот украинско-литературный язык, который получился бы при следовании по этому естественному пути, разумеется, оказался бы очень похожим на русский: ведь слова церковнославянского происхождения в русском литературном языке составляют чуть ли не половину всего словарного запаса, а многие из средневеликорусских слов, вошедших в этот язык, отличаются от соответствующих малорусских очень мало. Это близкое сходство естественно созданного украинского литературного языка с русским само по себе было бы тоже совершенно естественно, ибо и соответствующие народные языки – великорусский и малорусский – близкородственны и похожи друг на друга. Но те украинские интеллигенты, которые ратовали за создание самостоятельного украинского литературного языка, именно этого естественного сходства с русским литературным языком и не желали. Поэтому они отказались от единственного естественного пути к созданию своего литературного языка, всецело порвали не только с русской, но и с церковнославянской литературно-языковой традицией и решили создать литературный язык исключительно на основе народного говора, при этом так, чтобы этот язык как можно менее походил на русский. Как и следовало ожидать, это предприятие в таком виде оказалось неосуществимым: словарь народного языка был недостаточен для выражения всех оттенков мысли, необходимых для языка литературного, а синтаксический строй народной речи слишком неуклюж для того, чтобы удовлетворить хотя бы элементарным требованиям литературной стилистики. Но по необходимости приходилось примкнуть к какой-нибудь уже существующей и хорошо отделанной литературно-языковой традиции. А так как к русской литературно-языковой традиции примыкать ни за что не хотели, то оставалось только примкнуть к традиции польского литературного языка. И действительно, современный украинский литературный язык, поскольку он употребляется вне того народнического литературного жанра, о котором говорилось выше, настолько переполнен полонизмами, что производит впечатление просто польского языка, слегка одобренного малорусским элементом и втиснутого в малорусский грамматический строй. Благодаря этому особому направлению в создании и развитии украинского литературного языка – направлению не только противоестественному, но и противоречащему основной тенденции истории Украины, состоявшей всегда в обороне и борьбе против ополячивания, – современный украинский язык должен быть отнесён к литературным языкам западнославянской (чешско-польской) традиции” (цит. по: 65, с. 143-144).

Современный историк и этнограф Андрей Ваджра, родившийся на Западной Украине, учившийся в украинской школе и владеющий как украинским, так и русским языками, считает, что современный украинский литературный язык не имеет связи с древней языковой традицией юго-западной Руси и фактически из-за своей искусственности лишён той удивительной глубины смысловых и звуковых оттенков, которые возникают в русском литературном языке благодаря органическому слиянию в нём малорусских, великорусских, белорусских наречий и церковнославянского языка, уходящего своими корнями к концу эпохи праславянского единства. По его мнению как знатока и профессионала, “современный украинский литературный язык отторгается духовно-психологической организацией малоруса как нечто инородное, неудобное, ограничивающее, выхолащивающее”. Поэтому для Ваджры, который считает себя чистокровным малорусом, а не украинцем, как и многие его соотечественники, “украинский литературный язык – это нечто вроде эсперанто” (см. 65, с. 142).

В современной Украине, как утверждает Андрей Ваджра, фактически наблюдается не двуязычие, а триязычие. Порядка 95% населения говорит и думает или на русском языке, или на малорусском наречии. И лишь совсем небольшая часть населения – откровенных ненавистников России – принципиально на публике использует только литературный украинский язык. При всей своей ненависти ко всему русскому, они тем не менее, как обычные русские люди, думают и говорят на бытовом уровне на русском языке, читают русские книги, смотрят русские фильмы, слушают русскую музыку. Естественно, когда человек думает и говорит на русском языке, ментальность и мышление у него русские, он всецело находится в рамках русской культуры.

Однако при этом люто ненавидит всё русское и русским себя не считает, но это уже последнее и тяжёлое наследие Майдана. По оценке Андрея Ваджры, полнокровных украинцев, прошедших курс “убивания в себе москаля”, на Украине крайне мало. Они объединяются в различные националистические партии, которые обычно набирают на выборах менее 1% голосов (см. 65, с. 84–86).

Из научных сочинений Николая Трубецкого, включённых в книгу “Наследие Чингисхана”, следует, что слияние формирующейся восточно-русской (великорусской) государственности с зачатками западно-русской (малорусской) культуры в итоге привело к возникновению Российской империи и русской (общерусской) культуры. Создавая мощное русское государство, русскую империю, Пётр I стал создавать и соответствующую ей культуру. При нём были заложены основы её будущего развития. Духовным содержанием служило всё то, что было создано на тот момент Великой и Малой Руси в культурном и научном плане. Царь-реформатор дал возможность и культуре, и науке свободно развиваться. За последующие столетия русская (общерусская) культура достигла общепризнанных в мире высот, олицетворяя российскую цивилизацию.

До Октября 1917 года русский язык и русская (общерусская) культура являлись для малороссов абсолютно родными. Присущую им духовную и интеллектуальную организацию не смогла разрушить и вытравить за семь десятков лет даже советская власть, которая с самого начала отвергла прежнюю “буржуазную”, с точки зрения большевиков, культуру и провозгласила создание новой советской культуры с внесением национального колорита в каждой союзной республике. В соответствии с этим курсом компартия реализовала так называемый украинский проект, а когда рухнул Советский Союз, вместе с ним рухнуло всё то, что принято называть советской “украинской культурой”. Современные деятели национальной “украинской культуры” галицийского происхождения, получив высшее образование в Советском Союзе, призывают отправить “коммуняку на гиляку”, “москалей поставить на ножи”, а общерусскую культуру, которая всегда была для малороссов (“украинцев”) близкой и родной по духу, объявляют иностранной, точно так же, как и русский язык. Сегодня кучка полуграмотных сельских писателей, поэтов и публицистов, “творивших” в советский период на галицийско-польском жаргоне, чтобы доказать существование “украинской нации”, требуют от граждан своей страны, ради параноидальных идей, добровольно отказаться от самих себя: отказаться от культурного наследия своих предков, от великого наследия, признанного таковым во всем мире, — от **Общерусской культуры**, которая по-прежнему роднит и объединяет Киев и Москву.

По данным социологических опросов, проведённых Киевским центром социологических исследований и конфликтологии, Центром политических и социальных исследований (СОЦИС) накануне государственного переворота в феврале 2014 года, 49% населения Украины высказалось против ассоциации с Евросоюзом и за “открытые границы с Россией без таможи и виз”, противоположное мнение — у 26% из числа респондентов, 25% — воздержались. Абсолютное большинство из числа опрошенных — 78% — выступает против дублирования российских фильмов на украинском языке, причём 48% высказывается одновременно и против субтитров на украинском языке. Только 11% из числа опрошенных считают необходимым устранение русского языка из официального общения на Украине (см. 75, с. 102). По данным мониторинга Института социологии НАН Украины, 40% жителей страны имеют родственников в России. По информации посольства Украины в РФ, численность украинцев работников в России составляет в среднем порядка 1 млн человек, а в сезонный пик — свыше 3 млн украинских граждан (70, с. 102, 111).

Приведённые цифры свидетельствуют о сохраняющихся тесных взаимосвязях граждан Украины и России, учитывая близость языков, менталитета, исторического прошлого, общей культуры и единой православной религии двух ветвей восточнославянского этноса — малороссов и великороссов, объединённых понятием **“русскость”**. Это обусловлено тем, что, с точки зрения современных малороссов, которые не согласны стать “свидомыми украинцами”, сущность “русскости” значительно шире и глубже “великорусскости”, являющейся лишь одной из её составляющих. Несмотря на нынешние политические коллизии, в вихрях которых закручена современная Украина, мы полностью

разделяем здравое мнение наших кровных братьев-единоверцев, что **“русскость киевская отличается от русскости московской, но от этого она не перестаёт быть русскостью. Вот что самое главное!”** (см. 65, с. 152). В основе **“русскости”** как в Москве, так и в Киеве лежит родной русский язык (за исключением упомянутых выше 8–10% “свидомых украинцев”, говорящих на “мове”, но думающих всё-таки по-русски. — Ю. Г.), **общерусская культура как симбиоз культур великорусов и малорусов, их общие духовные ценности и единая Православная вера, которые всегда скрепляли нас — восточных славян. Спрашивается, разве возможно заставить наш православный народ — великорусов, малорусов, белорусов — отказаться в одночасье от объединяющей нас православной цивилизации, общего исторического прошлого и единых корней, то есть от всего того, что сохранили нам наши славные предки за тысячелетнюю историю существования восточных славян?** Вопрос чисто риторический и ответа, естественно, не требует.

Как свидетельствуют сами жители Украины, “украинцем” сегодня быть нетрудно. Надел вышиванку, заговорил на “мове”, вступил в “Свободу”, заорал “Слава героям!” и “Москалей на ножи!” — и готово. Но многие на Украине к этому явно не готовы, зная правду, а соглашаясь стать “украинцем” против своей воли, человек предаёт, прежде всего, самого себя. Большинство граждан “Незалежной” — русских по своей сути людей — вдруг стали вынуждены симулировать свою “украинскость”: говорить “по-украински”, любить всё “украинское”, гордиться всем “украинским”, быть сознательным “украинцем”, наслаждаться творчеством Тараса Шевченко, бредить идеями Степана Бандеры, восхищаться “подвигами” Романа Шухевича и других голорезов из УПА–УНСО*, ненавидеть Россию и всё русское — вот далеко не полный набор качеств нового “украинца”, который, с точки зрения нынешнего официального Киева, будет формировать “нацию правильных украинцев”. Возникает у любого здравомыслящего человека законный вопрос: “Как можно любить то, что не любишь, и быть тем, кем не являешься?” (см. подробнее: 65, с. 10).

Только на первый взгляд гуманитарная политика нынешнего Киева изменить цивилизационный код целого народа выглядит как возмутительное уродство на грани преступления против человечности. Но, увы, другой политики быть и не могло, когда было провозглашено формирование “особой украинской цивилизации”. “Незалежна Украина” должна иметь свой язык, культуру, “древнюю” историю, пусть самую фантастическую — всё это должно оправдывать само существование независимого государства. Отсюда и весь бред о многовековой российской и советской оккупации, а также мифы о борьбе “украинцев” с русскими за независимость. *Отсюда возникли дерусификация, десоветизация, декоμμунизация, которыми ускоренно стали заниматься все управленцы Украины с первого дня выхода из СССР.* Масла в распространявшийся огонь национализма подлил второй президент Украины Леонид Кучма, который в далёком 2003 году выпустил в свет книгу, само название которой окончательно обозначило национальную идею независимого государства: “Украина — не Россия”. Книга Кучмы стала идеологическим обоснованием, а точнее сказать, учебным пособием для правящей клики в ходе процесса реализации антироссийского/антирусского проекта, причём интересы простых граждан тут не играют никакой роли и не учитываются вовсе.

Как уже упоминалось выше, по замыслу кучки прохвостов, захвативших верховную власть в Киеве, украинцы должны забыть своё прошлое, вытравить из себя всё русское и превратиться в неистовых русофобов. Если им не привить эту ненависть, то рано или поздно у большинства граждан Украины возникнет вопрос: а зачем русским и украинцам два государства? Только лишь ради амбициозных целей немногочисленных авантюристов-националистов, делающих на “украинстве” свой бизнес и ввергших страну в гражданскую войну?

Как известно, историю невозможно повернуть вспять. Но, изучая причины гибели античной греко-римской, византийской и других мировых цивилизаций, ради самосохранения на нашей Земле мы должны учитывать уроки истории и избегать, прежде всего, кровавых разборок между соплеменниками. Всё-таки мы находимся на пике истории цивилизации и должны вести себя как положено цивилизованным людям! Если так получилось, что восточнославянский этнос оказался разделённым на три ветви, формировался столетиями

как триединый народ и в конечном итоге оказался разделённым в трёх славянских государствах, то почему же и русским, и украинцам, и белорусам не учитывать опыт формирования и современного жития более “продвинутой” (якобы в цивилизационном плане) Западной Европы?

Основу Западной цивилизации составляют страны и народы, относящиеся к германской и романской языковым семьям. Например, австрийцы и немцы живут в разных государствах, но оба народа считают немецкий литературный язык и немецкую культуру общим достоянием. Если бы австрийцы отказались от всего того, что роднит их с немцами, то они остались бы почти ни с чем и стали бы ничем. То же самое относится к англосаксам, которые живут в разных государствах, называют себя по-разному, но остаются приверженцами англосаксонской культуры и говорят на английском литературном языке. Американцы, канадцы, австралийцы, новозеландцы, когда-то покинувшие Британию, всё равно остаются англосаксами и в одинаковой степени являются наследниками своей общей культуры, истории, языка. Кстати, Владимир Путин не раз говорил, что Россия и Украина – это дружественные государства, которые вместе, “но порознь развиваются во имя блага народов”. Увы, стратегическое пожелание президента РФ так и не сбылось, так как сознательно не было услышано в Киеве.

Долгие годы все мы, русские и украинцы, эмоционально переживали, наблюдая за эпической битвой сторонников европейского и российского векторов развития современной Украины. И вот наконец момент исторической истины настал: 14 февраля 2014 года случилось “бегство Украины в Европу”. Тем не менее, по заявлению президента РФ В. В. Путина 18 марта 2014 года в Кремле, “отношения с Украиной, с братским украинским народом у России были и остаются и всегда будут для нас важнейшими, ключевыми, без всякого преувеличения”. Ещё ранее, в ходе пресс-конференции 19 декабря 2013 года, Владимир Путин сказал, что Россия согласится с любым выбором Украины, однако при этом спрогнозировал: “Хотите жить, как в Париже?.. То есть стать сельхозпридатком Еврозоны. Но это ваш выбор”. Президент Российской Федерации имел в виду, что такой выбор – не в интересах народа Украины.

Следует особо подчеркнуть, что евроатлантические ориентиры Киева никогда не поддерживались Москвой, которая постоянно сдерживала евроинтеграцию украинских лидеров, предоставляя серьёзные финансовые уступки в торгово-экономических отношениях с Украиной. После февральского переворота 2014 года Россия избавлена от каких-либо обязательств поддерживать антирусскую Украину. Всё стало предельно честно, когда Украина “пошла в Европу”. Хватило всего несколько лет, чтобы результаты этого движения уже всем стали очевидны. Под контролем Запада на Украине проводятся “долгожданные европейские реформы”, которые по известным причинам привели страну на грань развала и обнищания большинства населения.

Граждане Украины были обречены пройти путь отрицания своей русскости как главное условие перехода в Западный мир, чтобы стать “европейцами”. Напомним, что такой же путь в 1990-х годах прошли и граждане России, когда нас потащили в Европу, не посоветовавшись, доморощенные ультралиберальные управленцы-западники. Хватило одного десятилетия европейских реформ по Гайдару-Чубайсу, чтобы народ опомнился и категорически отверг этот гибельный путь, грозивший народу потерей своей независимости и цивилизационной идентичности.

В отличие от России, проведение европейских реформ “по-киевски” привело Украину к гражданской войне. Считаться с “нетитульным русским населением” и теми гражданами Украины, которые не захотели расставаться с русскостью и воспринимать галицийско-бандеровскую идеологию националистического меньшинства, захватившего власть в Киеве, никто не собирался. Мечтам тех жителей Украины, которые стремились вступить в семью европейских народов, оказалось, не суждено сбыться. Сегодня Украина превратилась в одно из самых нищих и коррумпированных государств в Европе. Сворачивание торгово-экономических связей с главным партнёром – Россией – ведёт к коллапсу украинской экономики. Её развал достиг таких масштабов, что граждане Украины уже не могут позволить себе даже скудный уровень потребления необходимых жизненных благ. Всё это творится на фоне ужесточения гражданской войны в Донбассе и Луганске.

Чем в конечном итоге закончится поход в Европу и как скоро Украина де-факто может прекратить своё существование как единое государство в результате правления на грани умопомрачения властей в Киеве?

Попытаемся спрогнозировать варианты развития событий на основе анализа экономического потенциала Украины, реальных цифр, фактов и экспертных оценок российских и украинских специалистов. Если использовать лишь только статистический подход к прогнозированию дальнейшей судьбы Украины в условиях нынешней расстановки основных геополитических игроков в Европе и в мире в целом, прежде всего, в рамках дилеммы “Запад – Россия”, то, по нашему мнению, современную Украину следует считать потерянной для России – если не навсегда, то, по-видимому, на довольно продолжительный период времени.

Если же применить цивилизационный подход к поиску ответа на поставленный выше вопрос по будущему Украины, то, как нам представляется, значительная часть территории с православным населением – по крайней мере восточные и юго-восточные области, – вполне возможно, могут вернуться в цивилизационное поле России. Однако, подчеркнём, этот особо прагматичный вариант развития событий может случиться только в том случае, если сама Россия в конце концов определится с **выбором цивилизационного пути своего собственного развития**, отвергнет наконец олигархическо-криминальный тип общественного развития и перейдёт на такую модель социально-экономического развития Российской Федерации, чтобы это действительно было “социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека” (Конституция Российской Федерации. Статья 7). Другими словами, сама Россия должна стать привлекательной и на деле быть сильным лидером и по-настоящему ядром Восточнославянской цивилизации. “Богатая Россия” для 2-3% её граждан с преобладающим нищим населением, с ненормальным социальным расслоением и вымиранием главным образом представителей государствообразующего народа – русских людей – не создаёт положительный имидж у братьев-славян из Украины и Белоруссии. Не добавляет имиджа России и массовый наплыв иностранных рабочих-мигрантов из других бывших союзных республик с другим менталитетом и иной цивилизационной идентичностью.

Следует признать, что Украина уже была обречена на “евроинтеграцию” с момента провозглашения “незалежности”. После развала СССР интеграция в европейские структуры становится генеральным направлением внешней политики Украины, ставшей в одночасье государством де-юре. Но это не означало, что постсоветское пространство, прежде всего Россия, потеряло роль ключевого слагаемого украинской внешней политики. 25-летний период сепаратного существования Украины ярко продемонстрировал узкокорыстные устремления украинской правящей элиты максимально использовать торгово-экономические и производственно-кооперационные связи с Россией и другими странами СНГ как подготовку материально-технической базы для перехода в Западный мир. **По заключению специалистов, ни одна постсоветская республика, за исключением России, после исхода из СССР так и не стала самостоятельной страной.** Занимая второе место в Советском Союзе после РСФСР по научно-производственному потенциалу вместе с высококвалифицированной рабочей силой при 50-миллионном населении, известными достижениями в науке и технике мирового уровня, независимая Украина причислялась к числу относительно развитых стран мира. Однако в рамках СССР 80% её предприятий не имели на своей территории законченного производственного цикла, причём 85% из них относились к военно-промышленному комплексу (ВПК). Прекращение производственно-кооперационных связей “Южмаша”, авиастроительной корпорации “КБ им. Антонова” и других украинских предприятий ВПК с российскими партнёрами, по указанию киевских властей (точнее сказать, по требованию Вашингтона), привело к полному параличу ключевых отраслей национальной экономики.

Накануне развала СССР российские и украинские экономисты произвели расчёты по определению производства конечного продукта Украиной без сотрудничества с Россией и другими союзными республиками. По тогдашним оценкам специалистов, **если Украина прекращает полностью товарный обмен и производственную кооперацию с Россией и другими партнёрами**

по СССР, то она имеет возможность обеспечить производство только 15% своего ВВП. В то же время Россия не так уязвима в подобной ситуации: она сохранила бы производство как минимум 65% ВВП.

В советское время постоянно муссировался миф, что Украина являлась республикой-донором в СССР. Во многом это было связано с тем фактом, что большинство советских руководителей были с Украины и долгое время работали там (Брежнев, Подгорный, Кириленко, Шелест, Щербицкий, Гречко, Патоличев, Тихонов, Черненко и др.). Например, при их непосредственном лоббировании интересов Украины последняя превратилась в самый “ухаженный кусок советской страны”. Именно с их благоволения так называемая “житница, кузница, здравница и в перспективе “Вторая Франция” прирастала не только Крымом, но и получила свыше 70% протяжённости сети экспортных газопроводов на западе СССР, причём даже в ущерб критериям минимума расстояния перекачки газа и, соответственно, строительно-эксплуатационных затрат. Ратовавшие за прокладку газопроводов по территории Белоруссии (где газовая труба была бы короче на 220 км) Косыгин, Мазуров, Машеров, Долгих и Катушев не получали поддержки. Лоббисты украинского варианта аргументировали тем, что размещение газоэкспортной сети на Украине и газопроводных переходов на западе Украины “положительно скажутся на настроениях граждан потенциально националистических областей”. Украинские эмигрантские СМИ отмечали в 1970–1980 годах, что со временем, если СССР распадётся, Украина станет обладателем главных газоэкспортных артерий России. Как в воду глядели! (см. подробнее: 71, с. 382–386).

Ради справедливости и объективности отметим, что в реальности донорами в СССР были только три республики: Россия, Белоруссия и Азербайджан. Украина процветала не только за счёт постоянной поддержки “наверху” со стороны упомянутых советских и партийных деятелей, но и за счёт серьёзных материальных и финансовых дотаций из союзного центра наравне с Прибалтикой и Закавказьем. А все вместе они из России получали без отказа нефть, природный газ, электроэнергию, природное сырьё из сибирских кладовых по копеечным ценам. На этой базе и строилось материальное и социальное благополучие граждан Советской Украины. Следует признать, что жители Украины в целом жили намного богаче или, точнее сказать, намного обеспеченнее в материальном плане в сравнении с нищей Россией, особенно с людьми, проживавшими в 29 областях русского Нечерноземья, разорённых до крайнего предела сначала нашествием Гитлера, а после войны – хрущёвскими аграрными реформами. По наблюдениям автора, нищета “москалей” даже вызвала у некоторых жителей Украины особого рода снобизм, который сегодня переродился в откровенный этнонационализм.

Когда случился развал СССР, именно Украина стала наиболее болезненно испытывать случившееся государственное размежевание. В жёстких условиях капиталистического рынка, когда за поставки российских энергоносителей, сырья и комплектующих изделий для местной промышленности Москва потребовала от Киева платить сполна по мировым ценам, постепенно упомянутые выше расчёты и прогнозы специалистов стали оправдываться: нынешняя экономика Украины, находясь под чутким контролем МВФ и Евросоюза, балансирует на грани окончательного коллапса, население Украины получило европейские цены на услуги ЖКХ; его обнищание, по оценкам украинских наблюдателей, грозит дойти до последней стадии.

До захвата власти на Украине отпетыми националистами-бандеровцами Москва всё-таки шла на уступки Киеву в торгово-экономическом сотрудничестве, зачастую проявляя откровенный альтруизм. Так, ещё во времена правления на Украине Леонида Кучмы российское руководство во главе с Ельциным, стремясь задобрить Киев в обмен на беспрепятственный транзит российского природного газа на Запад, соглашалось на льготный таможенный режим при экспорте украинской продукции на территорию России (металлопрокат, трубы большого диаметра, сахар и другие товары). Именно в те годы Кремль неофициально разрешил украинским главным управленцам самим экспортировать российский природный газ из украинских подземных хранилищ (ПГХ) в соседние восточно-европейские страны (Венгрию, Словакию, Польшу) на сумму 500 млн долларов ежегодно. И это было разрешено Москвой, несмотря на двустороннее соглашение, по которому экспортировать газ с украинской территории имеет право только “Газпром”.

Тогда же появились, с согласия Кремля, и “павлы лазаренки” и “газовые принцессы” типа Юлии Тимошенко, и другие украинские посредники по продажам российского природного газа типа Дмитрия Фирташа.

Наблюдение за ходом развития всего спектра взаимоотношений России и Украины в их новейшей истории всегда создавало невольное впечатление, что не Москва, а Киев обладает превосходящим во всех отношениях потенциалом, который позволяет последнему диктовать свою политическую волю и занимать, по сути, место лидера в постсоветском пространстве. **Специфическое участие Украины в СНГ с самого начала сводилось к ассоциированному, а не к полномасштабному членству.** Этот факт ярко демонстрировал другим странам-членам этого Содружества откровенное дистанцирование Киева от постсоветской интеграции и его принятие на себя роли “троянского коня” в постсоветской истории.

Торпедирующая деятельность украинских руководителей проявилась и в формировании других интеграционных объединений: ЕЭП “Большой четвёрки” (Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина); Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан), в котором Украина занимала отвлекающую позицию в статусе наблюдателя; в угоду Западу Киев выступил тогда категорически против образования “Союза трёх” в рамках Союзного государства России и Белоруссии. Ведь формирование партнёрских отношений в “славянском треугольнике” (Россия, Белоруссия, Украина) привело бы к новому геополитическому и геоэкономическому раскладу, при котором ни у кого уже не возникал бы вопрос о подлинном месте России в Европе и в мире в целом.

Зато в противовес интеграционному объединению “ЕврАзЭС” – “Евразийский экономический союз”, где интеграционное ядро составляет Россия, Украина при поддержке Брюсселя и Вашингтона создала субрегиональный союз ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия). Эта группа стран, по меткому наблюдению Струба Тэлботта, постоянно стремилась быть “подальше и позарубежнее от Москвы”.

Когда здравый смысл возобладал и радикальные националистические настроения отошли на второй план, 28 ноября 2013 года Виктор Янукович всё-таки не подписал соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Это решение, принятое в последний момент правительством Януковича – Азарова, прежде всего для защиты экономических интересов Украины, вылилось в жёсткое многомесячное противостояние верховной власти и националистически настроенной прозападной оппозиции на киевском майдане Незалежности. Вопрос о том, какой союз следует выбрать Украине – Таможенный или Европейский, раскол и общество, и бизнес, и политическую элиту, и даже церковь, привёл в конечном итоге к затяжному тяжёлому кризису украинской государственности, носящему системный характер.

Сторонники интеграционного взаимодействия с Россией в рамках Таможенного союза учитывали незавидное состояние национальной экономики Украины, её тесную производственную кооперацию с российскими предприятиями, а также нарабатанные за прошедшие века критические важные связи с российским внутренним рынком, прежде всего, по вопросам сбыта в России своих недостаточно конкурентоспособных на мировом рынке товаров. Наряду с критической зависимостью украинской экономики от поставок российских энергоносителей эти и другие факторы вряд ли позволят Киеву бесповоротно переориентироваться на Запад и распрощаться с Россией и СНГ в целом. Кроме того, кому нужна на Западе промышленность Украины, и если её модернизировать, то она станет конкурентом западным промышленным компаниям. Когда “наша” Прибалтика ушла в долгожданную Европу, все известные промышленные предприятия-гиганты в Эстонии, Латвии и Литве (например, ВЭФ, РАФ, Вильнюсский завод измерительных приборов) были за короткий срок ликвидированы, и экономики трёх прибалтийских стран остались только с производством шпрот, которые, кстати, запрещены к потреблению в странах Евросоюза как вредная и крайне нездоровая пища. Молодые поколения эстонцев, латышей и литовцев уже давно уехали на заработки на Запад, а оставшиеся пожилые их родственники живут в значительной степени за счёт субсидий из Евросоюза. Эти субсидии “зарабатываются” благодаря неистовой русофобии со стороны политиков этих стран, что очень нравится

и приветствуется руководством ЕС и НАТО. Правда, по сообщениям из Брюсселя, эти субсидии, начиная с 2019 года, будут сокращаться.

Для Украины коммерческая цена вопроса перехода в Западный мир очень высока, о чём речь пойдёт ниже. Однако если бы Украина стала участником Таможенного союза как составная часть единого экономического пространства с Россией, то её дальнейшее экономическое и социальное развитие происходило бы более гармонично, без катастрофических катаклизмов, при положительных темпах экономического роста, которые увеличились бы в два раза. По расчётам специалистов Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, государства-участники Таможенного союза, включая Украину, за счёт интеграционного, синергетического фактора могли бы получать дополнительно около 15% прироста ВВП.

Украинские специалисты и тогда отмечали не только синергетический эффект, но и прямую экономическую целесообразность и выгоду вхождения Украины в Таможенный союз. Так, известный общественный деятель и бывший глава администрации президента Украины (2002–2005) Виктор Медведчук обращал внимание на главные преференции, которые получил бы Киев от вступления в Таможенный союз. Первое – это снижение цен на природный газ для Украины и выигрыш до 6 млрд долларов в год. Второе – это отмена пошлин на нефть и нефтепродукты, которые насчитывали 4 млрд долларов. В итоге – 10 млрд долларов, которые оставались бы в экономике страны, существенно увеличивая доходную часть украинского бюджета, который в конце правления Януковича составлял 45 млрд долларов.

Отказ Украины от участия в интеграционных процессах Евразийского экономического союза повлёл за собой ухудшение условий торговли и производственной кооперации в силу общего принципа недискриминации, когда Россия уже не смогла предлагать Украине какие бы то ни было товары, включая энергоносители, по ценам ниже цены экспорта наших товаров в Европейский союз. В этом случае за зоной рентабельности оказываются ведущие отрасли украинской экономики, которые генерируют максимальную прибыль для наполнения доходной части национального бюджета. Это, прежде всего, металлургический, химико-металлургический комплексы, машиностроение, металлообработка. Эти отрасли являются очень энергоёмкими, на 85% с изношенным оборудованием и устаревшими основными фондами. По расчётам экономистов, украинская промышленность становится неконкурентоспособной при импортной цене на природный газ выше 160 долларов за 1 тысячу кубов. После подписания Украиной соглашения об ассоциации с Евросоюзом Москва установила для Киева мировые цены на поставки природного газа, нефти и нефтепродуктов, электроэнергию и другие ресурсы и товары российского происхождения. Кроме того, в 2019 году «Газпром» прекратит поставки газа в Европу по украинской газотранспортной системе, задействуя на полную мощность обходные газопроводы. В этом случае Украина потеряет российские платежи за транзит природного газа по украинской территории в объёме порядка 2 млрд долларов в год.

Одновременно с ростом расходов по импорту свёртывание отношений свободной торговли с Россией существенно ухудшило доступ украинских товаров на российский рынок и увеличило издержки кооперации производства, повлекло существенное снижение конкурентоспособности и экспорта украинской продукции. Это вызвало ухудшение платежеспособного баланса по украинскому экспорту и спровоцировало дальнейшую девальвацию гривны. ВВП Украины, насчитывавший при Януковиче 183 млрд, после государственного переворота в Киеве и свёртывания торгово-экономических связей с Москвой стал катастрофически падать, а внешний долг страны к концу 2016 года вырос до 70 млрд долларов.

Ещё до подписания соглашения об ассоциации с ЕС тот же Медведчук предостерегал, что последствия такого опрометчивого шага для Украины в целом, для украинской экономики и большинства граждан будут катастрофическими. При этом варианте интеграции Украину ждут рост безработицы, рост цен, падение жизненного уровня людей. Подобное соглашение фактически ставит Украину в колониальную зависимость от в разы более сильной экономики Евросоюза, предупреждал авторитетный украинский политик. Свой вывод он подкреплял следующими цифрами. Чтобы хотя бы приблизиться к европейскому рынку, Украине сначала надо будет перейти на евростандарты –

это стоит 164 млрд евро за 10 лет, то есть потребуется по 16,4 млрд евро, или 23 млрд долларов в год. Спрашивается, где взять такие деньги, когда экономика Украины балансирует на грани дефолта, а Евросоюз обещал выделять после подписания соглашения об ассоциации не больше 1 млрд евро в год. (Подробнее о потерях Украины при отказе интегрироваться с Россией см. статью автора “Последний рубеж”, журнал “Москва”, № 7, 2014). В данном случае следует привести прогноз Збигнева Бжезинского. По его оценке, Украине понадобится около 100 лет для достижения современного уровня стран Запада.

То, что Украина вопреки своим национальным интересам не согласилась взаимодействовать с Россией в рамках Таможенного союза и Евразийского экономического союза, а при помощи “друзей Запада” всё-таки подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом, явственно свидетельствует о том, что её нынешние руководители действуют в продолжение реализации проекта “Анти-Россия”. Сами посудите, уважаемые читатели, относясь весьма настойчиво к интеграционным процессам России с Белоруссией в рамках Союзного государства и стремясь вырвать Украину из традиционного “славянского треугольника”, евроатлантические структуры преследуют цель ограничить эффективность их машиностроительного комплекса, сформировавшегося как единое целое ещё в XIX–XX веках. Этот комплекс составлял основу ВПК трёх стран и, несмотря на развал СССР, представлял собой сильного конкурента западным компаниям на рынках военной техники и оружия, был бельмом на глазу у Запада. Кроме того, **совместный ВПК трёх стран – это одна из основных опор системы национальной безопасности России, Украины и Белоруссии, то есть это, можно сказать, единственно сохранившийся от наследства великой державы материально-вещественный фактор, сдерживавший агрессивное наступление НАТО на восток и продавливание Евросоюза неэкономическими методами на постсоветское пространство. Следует признать, что только разрыв кооперационных связей знаменитого “Южмаша” в Днепропетровске с российскими партнёрами нанёс непоправимый ущерб совместному ВПК.** По оценке одного из отечественных руководителей ракетно-космической отрасли Б.В. Бальмонта, с развалом КБ “Южмаш” Россия потеряла 25% нашей аэрокосмической промышленности (94, 1 февраля 2018, с. 8).

Нынешнее неблагоприятное развитие взаимных хозяйственных связей в “славянском треугольнике” (не только с Украиной, но и в связи с систематическим обострением торгово-экономических отношений с Белоруссией из-за цен на нефть и природный газ, из-за нахрапистых требований Правительства РФ. – Ю. Г.) следует рассматривать как реальную угрозу национальным интересам трёх стран. В западных столицах понимают: чтобы установить свой полный контроль над Украиной, необходимо окончательно и бесповоротно осуществить цивилизационный и экономический раскол между Киевом и Москвой. В дальнейшей перспективе евроатлантический патернализм в отношении Киева будет только усиливаться и по-прежнему, в соответствии с проектом “Анти-Россия”, предопределять стратегическую цель Запада – и дальше использовать Украину в качестве “троянского коня” на постсоветском пространстве в ущерб геополитическим интересам России. Поэтому Кремлю пора бы уже понять, что и “нормандская четвёрка”, и “Минск-2” используются Западом для закрепления евроатлантического вектора Киева, его привязки в качестве подчинённого звена Западной цивилизации.

Сегодня уже большинству специалистов и на Западе, и на Востоке вполне ясно, что Украина нужна Евросоюзу не только для ослабления России, но и как вассальный кусок территории, богатой чернозёмом (более 10 млн га) и ценным генетическим материалом (славянским населением) для вымирающей Европы. Промышленность и всё связанное с ней развитие народнохозяйственного комплекса Украины Запад абсолютно не интересуется. Поэтому национальная экономика Украины находится сегодня в состоянии “комы” вследствие радикального разрыва торгово-экономических связей с Россией, а в условиях разразившейся гражданской войны, по-видимому, в скором времени мы увидим окончательный развал украинской государственности.

Всё это случится вследствие того, как метко заметил советник президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции Сергей Глазьев, что “на Украине политика не дружит с экономикой, а власть – со здравым смыслом и собственными интересами”.

7.3. Украине требуется новый проект

Анализ ключевых цивилизационных составляющих элементов (язык, культура, религия), а также факторов европейской геополитики, внутренней политики и национальной экономики Украины, проведённый автором на макроуровне с привлечением весомых аргументов из исторической ретроспективы, позволяет нам, российским научным исследователям, констатировать: русофобский проект, получивший первоначально латинское название “Ukraina”, по расчленению восточнославянского этноса и ослаблению его государствообразующего ядра – России – оказался несостоятельным не только в историческом плане, но и на практике. Мы далеки от злорадства и не высказываем радости по этому поводу, потому что очередной провал зловещего проекта обострил до крайнего предела судьбу небезразличного для нас родственного народа. Реализация упомянутого проекта – русофобской затеи европейских мечтателей – сначала в рамках советской союзной республики “УССР – Советская Украина”, а теперь в условиях “незалежной Украины” так и не сделала малорусов счастливым народом, а повторное расчленение братской семьи восточных славян (1991) принесло одно лишь горе и неисчислимые беды. Страна оказалась на грани развала. По заключению **вменяемых** украинских специалистов, “те малорусы, которые назвали себя “украинцами”, полноценным народом так и не стали, превратившись в некий культурно-психологический полуфабрикат, странный феномен лимитрофа, растекшийся по чужим сопредельным территориям” (65, с. 153).

Истина данного феномена заключается в том, что исполнение названного проекта происходит на фундаменте проекта “Анти-Россия”. Выдвижение на первый план постсоветского “украинства” в ставшей “незалежной” Украине представляло собой некую разновидность закамуфлированной советской “украинскости”. В России, которая после развала Советского Союза по-прежнему осталась, согласно Конституции РФ, многонациональной федеративной республикой, преобладание русского этноса (83% от всего населения РФ) не имеет никакой этнонациональной нагрузки, и пришедшие к власти либералы-интернационалисты убрали из паспортов графу “национальность” и назвали всех жителей страны “россиянами”. Таким способом они стремились лишить все народы РФ свойственной им идентичности, чтобы было сподручнее тащить нас – всех представителей всех национальностей – в Западный мир.

С провозглашением украинской “незалежности” многие граждане Украины увидели лишь пародию на национальную идентичность и пришли к выводу, что Украина обречена из-за целого ряда субъективных и объективных причин, а дальнейшая реализация украинскими националистами проекта “Украина” была невозможна по ряду причин.

С первых дней образования “Советской Украины” был нарушен основополагающий принцип добровольности, когда русских жителей юга европейской части России передали без их согласия, как крепостных, в состав соседней союзной республики. Почти на наших глазах, также не посоветовавшись с народом Крыма, полуостров – кусок этой благодатной земли – передали волонтеристским методом вместе с населением той же “Советской Украине”. И вот теперь в “незалежной Украине” бывшие русские жители Северного Причерноморья – Новороссии и Крыма с Севастополем, – не желая расставаться с родной цивилизационной идентичностью, в одночасье превратились в представителей нетитульной нации, став изгоями на своей земле. В Одессе был преподан жестокий урок непокорённым: полсотни несогласных терпеть националистический угар “западенской” власти подверглись сожжению живьём. Крым вовремя отделился и перешёл под защитное крыло России, а Донбасс с Луганском отбивают яростные атаки украинских националистов. К великому сожалению, нынешние управленцы Украины развязали гражданскую войну против собственного народа, прежде всего, в интересах закрепления своей власти. Всё это происходит в условиях расколотости украинского общества и доминирования этнонационалистической пропаганды, направленной на дальнейшее оболванивание народа, внушения ему, что якобы источник всех бед и главный враг – это “москаль” и чужая им Россия.

Спрашивается, откуда возникла такая ненависть к нам – таким же русским людям, как на Украине? Как было показано в данной работе, после развала Киевской Руси жители её западных и юго-западных земель подверглись

жесточайшему гнёту со стороны захватчиков, длившемуся столетиями под властью то татаро-монголов, то литовцев, то поляков, то австрийцев. Но восточные славяне – русские люди Восточной Руси – в этом историческом процессе не принимали участия, а, наоборот, приходили, когда могли, на помощь своим западным братьям-славянам. Именно русское централизованное государство со столицей Москвой защищало русское население, проживавшее по берегам Днепра, от карателей Речи Посполитой и поголовного вырезания и увода в полон десятков тысяч живого товара турками-османами и крымскими татарами. Исторические события свидетельствовали, что когда мы, две ветви одного народа, объединялись как православные люди одного славянского корня, мы становились непобедимыми, потому что были сильнее наших врагов. Правда, у русских людей отложились в памяти многочисленные измены во времена так называемого Гетманата (XVII–XVIII вв.) вплоть до полной отмены в Малороссии гетманства (1764). После смерти Хмельницкого (1657) чего стоила только измена Мазепы (1708), который теперь лишь наиболее яркий представитель целой плеяды предтеч нынешнего украинства в сонме популяризируемых украинской легендой героев, живших как раз в ту достославную эпоху (см. подробнее 68).

Казалось бы, нынешним самостоятельным властям Украины следует чтить и благодарить большевиков за воплощение вековой мечты сепаратистов-украинофилов в виде предтечи – мощной республики по своему потенциалу – “Советской Украины”. Однако именно советский период галицийско-бандеровскими идеологами объявлен “продолжением рабства украинского народа под игом русского империализма в новой большевистской форме”. Даже голодомор – трагедия общерусского масштаба – теперь трактуют как геноцид русских над украинцами. Подобные воззрения и гласные трактовки в советское время были просто невысказанными. Но оказывалось, что галицийские идеи постоянно внедрялись на мировоззренческом и информационном поле, а в период горбачёвской перестройки выродились уже в параноидальную русофобию. Например, в культурной сфере мы, все советские люди, восхищались и любили фильм “В бой идут одни старики”, снятый на киевской киностудии имени Александра Довженко ещё в советские времена. Из интервью актёра, сыгравшего одного из героев-лётчиков данного фильма, стало известно, что режиссёру и исполнителю главной роли Леониду Быкову было приказано задействовать актёров только с пометкой “украинец” в графе “национальность” паспорта. Кстати, сам Довженко в своё время служил у Семёна Петлюры и, чтобы, по-видимому, искупить свою вину, снимал нейтральные фильмы типа “Земля”.

Ещё в период перестройки никто и не помышлял о том, что в результате перемен Украина станет независимым государством. Тем более что Коммунистическая партия Украины была второй по численности республиканской организацией КПСС, а многие члены ЦК и Политбюро ЦК КПСС были выходцами из Украины и радели за рост её благополучия. Республика всегда была оплотом партии и советской власти.

Однако довольно скоро в политической жизни Украины стала набирать силу та часть политической элиты, которая провозгласила своей целью борьбу против “имперской национальной политики Москвы”. Возглавили этот процесс представители украинской интеллигенции, в том числе и те, которые верой и правдой обслуживали коммунистическую бюрократию.

Поначалу их требования не шли дальше повышения внимания к украинскому языку и национальной культуре. Возникшее “в поддержку перестройки” общественно-политическое движение “РУХ” (объединение патриотов-националистов) вызывало симпатии у значительной части населения. Его возглавили многие видные представители украинской интеллигенции – писатели, поэты, учёные. В их числе – известный поэт И. Драч, ставший одним из лидеров “РУХа”.

В сторону “РУХа” качнулись и многие видные партийные функционеры, из которых особо стоит отметить умного, хитрого и дальновидного политика, бывшего секретаря ЦК КПУ по идеологии Леонида Кравчука.

С 1991 года на Украине возникли новые политические партии, которые постепенно отвлекли от “РУХа” многих сторонников и способствовали окончательному расколу украинской политической элиты по признаку геополитической ориентации на западный блок (США и Европа) и на восточный вектор

(Россия и страны СНГ). Прозападной части политической элиты удавалось победить на всех прошедших на Украине президентских выборах, несмотря на то, что большинство украинского народа связано тысячами нитей с Россией, Беларуссией и другими странами СНГ и ориентировано по-прежнему (по крайней мере юго-восток Украины) экономически и духовно всё-таки на Восток.

Когда к началу 2000-х годов на Украине, как и в России, сформировался капитализм олигархическо-криминального типа, его столпы стали намеренно держать Москву в своеобразном политическом напряжении, чтобы таким образом получать и дальше из России необходимые ресурсы по бросовым ценам, чтобы обогащаться, а также прикрывать собственные провалы в национальной экономике. Именно тогда начались систематическое подворовывание украинскими «партнёрами» российского транзитного газа и его незаконный реэкспорт в европейские страны. Шантаж России по пребыванию Черноморского флота РФ в Севастополе и Крыму тогда просто зашкаливал.

Новое российское руководство во главе с В. В. Путиным ещё в декабре 1999 года предложило развивать в рамках СНГ стратегическое партнёрство. Первым откликнулся Л. Кучма. В интервью киевской газете «Зеркало недели» 15 января 2000 года он в своей обычной манере заявил: «Россия должна отказать от роли «старшего брата» и строить равные партнёрские отношения с Украиной». Вслед за этим заявлением Россия столкнулась с вопиющими фактами «внешнеторговой практики по-киевски», когда все российские предложения, связанные с урегулированием торгово-экономических споров, украинское руководство стало во весь голос трактовать как стремление России «управлять украинцами».

При президенте Л. Кучме началась активная кампания по вытравливанию «русскости» и ускоренному внедрению «украинства» в умы граждан, чтобы доделать то, что не смогла выполнить советская власть за 70 лет, то есть создать «нацию свидомых украинцев». «Украинизация» по-советски, следует признать, была, прежде всего, направлена против русского имени, против русского самосознания. «Украинизация советского типа», — пишет Кучма в своей книге «Украина — не Россия», — имела своей целью «дерусификацию» (72, с. 284).

Большевики подготовили благодатную почву и основу для окончательного разрушения единства Русского мира. «Украинизация» на основе «коренизации» 1920-х годов, проведённая с помощью «тоталитарной прививки» населению «украинства», осуществлялась, в первую очередь, через школьное образование. По признанию Кучмы, «если бы не проведённая в то время украинизация школы, нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы. Массовая украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выявило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского начала в Украине» (72, с. 284). Миллионы южнорусских людей были пропущены через украинскую школу, и с помощью украинского языка из них вытравливался «великорусский шовинизм». Однако целью этого перевоспитания в рамках провозглашённой «коренизации» являлось массовое производство советских «украинцев», чтобы в конечном итоге заглушить влияние русской культуры, понизить значимость русского языка и тем самым уничтожить единство двух ветвей русского народа (малорусов и великорусов).

В «Советской Украине» разрешалось критиковать и даже разоблачать только одного исторического персонажа — предателя гетмана Мазепу; краткосрочных руководителей самостийной Украины времён гражданской войны — Скоропадского и Петлюру, а также батьку Махно; злодеев и душегубов-бандеровцев времён Великой Отечественной войны. Писателя Тараса Шевченко полагалось называть, согласно Советскому энциклопедическому словарю, «украинским поэтом, художником, революционным демократом, основоположником новой украинской литературы и национального литературного языка», а малоруса Николая Гоголя — просто «русским писателем, оказавшим решающее влияние на развитие критического реализма, становление сатирических жанров и утверждение гуманистических и демократических принципов в русской литературе». Теперь-то мы знаем, что «украинский Кобзарь» Тарас Григорьевич никогда не был **именно основоположником** ни национальной культуры, ни национального языка, так как в своих литературных трудах использовал главным образом литературный русский язык, а когда создавал

литературные произведения сепаратистского характера с жёсткой критикой “москалей”, – использовал малорусское наречие.

По мнению специалистов-филологов, Николая Васильевича Гоголя следует считать не только общерусским писателем, но и основоположником малорусского литературного направления, который широко использовал южнорусский фольклор, картины быта населения Юго-Западной Руси, исторические события борьбы народа Малороссии против поработителей.

Историк русского зарубежья Николай Ульянов отмечает саму собой возникающую закономерность: национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Нынешняя украинская власть даёт образец величайшей ненависти ко “всем чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: она подвергла гонению церковнославянский язык, утвердившись на Руси со времён принятия христианства”. Теперь она запретила использовать “общерусский литературный язык, лежащий в течение сотен лет в основе письменности всех частей Киевского государства, меняет культурно-историческую терминологию, традиционные оценки героев и событий. Всё это означает не утверждение, а искоренение национальной души” (см. подробнее 73).

Если, по словам Леонида Кучмы, основы самостийности и “украинства” были заложены массовой украинской школой в советский период, то исследователь “украинства” Николай Ульянов совершенно правильно диагностирует его нынешний этап – “искоренение национальной души” на основе “москвофобии” как стержня галицийско-бандеровской идеологии. Молодые участники антиправительственных выступлений в 2004-м и 2014 годах на майдане Незалежности в Киеве, получившие в школе тотальную прививку “украинства”, уже не сомневались в том, что украинская государственность обязательно должна иметь противоположные России ориентиры развития. Ведь с 1991 года они учились по учебникам истории, где Мазепа – герой именно потому, что предал “ненавистную угнетательницу Россию”, что Крымская война и героическая оборона Севастополя – это эпизод не отечественной, а чужой истории; что Великая Отечественная война – это нацистско-большевистская война, а головорезы-бандеровцы – это настоящие борцы за свободу. В Советском Союзе скрывалось, чтобы не разжигать национальную рознь, вопиющее злодеяние, совершенное бандеровцами из УПА-УНСО*. Оказывается, белорусскую деревню Хатынь сожгли вместе с жителями украинские националисты-каратели из отрядов Романа Шухевича. Они также сожгли сотни белорусских и польских деревень.

Несведущий человек, находясь в здравом уме и при здоровой памяти, особенно живущий в Российской Федерации, вряд ли может с пониманием объяснить указанные выше явления и события из жизни небезразличной нам Украины, подпавшей под власть “цивилизованных” бесов. Даже маститым специалистам, судя по научным публикациям и информационным сообщениям СМИ, не всегда это сделать под силу. По-видимому, только соответствующее знание отечественной истории, истории формирования Русской православной цивилизации, значительный опыт научно-исследовательской работы по этому направлению и, что особенно важно, – необходимость иметь личные наблюдения как эксперта за ходом событий “на верхнем – властном” и “низовом – житейском” уровнях – могут помочь поставить правильный диагноз указанным событиям в “незалежной Украине”.

Вовлечённость автора данного исследования почти во весь спектр взаимоотношений России и Украины во время многолетней работы в высших структурах власти СССР/РФ и научных институтах РАН и РАЕН **позволяет сделать основополагающий вывод и указать главную причину взрыва русофобии, а точнее – “москвофобии” в “незалежной Украине” со стороны её правящей элиты – это вызревание с первых дней независимости “комплекса неполноценности”, “комплекса младшего брата” по отношению к России.** Поясним, что в послевоенное время, как уже упоминалось выше, почти все Генеральные секретари (Хрущёв, Брежнев, Черненко) и многие влиятельные члены Политбюро ЦК КПСС были выходцами с Украины. Весомый патронат с их стороны своей родной союзной республике обеспечивал зримое благополучие жителей Советской Украины, которое было выше по уровню в сравнении с так и оставшейся нищей Советской Россией. К тому же

в СССР скрывалось, что в действительности именно Россия являлась донором Украины, а в СМИ и докладах руководителей КПСС преподносилась – старшее поколение это помнит хорошо – обратная картина.

Автору вспоминается, как ещё во время срочной службы в рядах Советской армии, а позднее – в аппарате ЦК КПСС (1973–1991), приходилось наблюдать особо предвзятое, чванливое отношение к русским людям со стороны значительного числа сограждан из Украины, иногда даже с открытым проявлением чувства превосходства и демонстрированием определённого “комплекса украинской полноценности”. Интересно теперь отметить, что в то советское время мы – работники высшего партийного аппарата – всё-таки не обращали на это особого внимания и даже не обсуждали вслух, так как считали себя вместе с украинцами и белорусами триединым славянским народом.

С началом горбачёвской перестройки (1985) руководство Компартии Украины быстро сменилось на выходцев из Западной Украины. Владимира Щербицкого, первого секретаря Компартии ЦК КПУ, довели до самоубийства, а главный партийный пост занял Леонид Кравчук, который, как потом выяснилось, “в свои 10 лет уже был разведчиком бандеровской сотни отважных юношей” (71, с. 453–454). Естественно, так называемые “коммунисты-западенцы” направили свои усилия на отделение УССР от СССР, что и было объявлено 24 августа 1991 года.

Самостоятельное существование Украины радикально изменило её жизнь не в лучшую сторону, о чём нами поведано выше. Когда после развала Советского Союза украинские руководители увидели, что презираемая ими Россия может жить отдельно от всех остальных бывших союзных республик, а бывшая Советская Украина, которая якобы до этого кормила нищих “москалей”, уже не сможет выжить без подпитки из Москвы, с этого момента у новых националистов-управленцев “незалежной” республики стали постепенно нарастать “комплекс неполноценности” и “комплекс младшего брата”. Чтобы удержаться у власти, правящая верхушка постепенно согласилась принять в качестве государственной идеологии крайне националистическую идеологию галицийско-бандеровского толка. Начиная с февраля 2014 года, когда власть узурпировали этнонационалистические бесы, содержание и формы “украинства” радикально стали приобретать откровенные черты москвофобии, нацизма, этнонационализма и антисемитизма. Президент Фонда исторической перспективы Наталья Нарочницкая поставила убийственный диагноз антироссийскому мракобесию в Киеве: “Именно отождествление “украинства” с антимосковитством наделяет его вечным комплексом неполноценности, комплексом младшего брата, и оно не сможет выйти из стадии самоутверждения” (71, с. 21).

Добавим от себя, что эти черты западенской “неполноценности” ярко проявлялись в стремлении представителей Украины быть первыми и начальствовать над русскими, например, в интеграционных структурах СНГ. Так, работая в Межгосударственном экономическом комитете СНГ (МЭК), автор наблюдал (до 1998 года), как украинские посланцы сумели как-то стать во главе президиума и коллегии МЭК, а также возглавить рабочую группу по выработке соглашения о Зоне свободной торговли (ЗСТ), хотя Украина всегда была только ассоциированным членом во всех интеграционных объединениях Содружества, где участвовала Россия. Киев лишь проявлял наибольшую заинтересованность в создании ЗСТ, чтобы получать без пошлины, в первую очередь, российские энергоносители. А Содружество, по признанию украинских лидеров, должно “служить механизмом консультаций и не более того”. Поэтому Украина никогда не хотела присоединиться также и к Договору о коллективной безопасности (ОДКБ). Это ещё раз доказывает, что расширение сфер деятельности СНГ и придание этой организации международного характера с повышением эффективности её деятельности – не в интересах Киева. Ведь это противоречит взглядам его западных друзей в Брюсселе и Вашингтоне, действующих по-прежнему в русле плана “Анти-Россия”. Анализируя участие Украины в интеграционных процессах СНГ в целом, лишней раз приходишь к выводу, что своё “Кашеево яйцо” Киев стремится хранить всё-таки на Западе (см. подробнее 74, с. 190–207).

Стратегическая цель украинского руководства – обретение первоначально ассоциированного, а в ближайшей перспективе – полноправного членства в Европейском союзе. Эта же цель стыкуется с интересами Киева относительно

вступления в НАТО. Это находит полную поддержку со стороны стран Запада, и в первую очередь США, но, следует подчеркнуть, только на словах. Западный патернализм на деле до настоящего времени выражается не в оказании всесторонней помощи населению Украины, а в укреплении националистическо-бандеровской власти в Киеве, которая ввергла страну в пучину деградации, хаоса и развала.

Как же актуальны и значимы слова великого малоросса Николая Васильевича Гоголя, вложенные им в уста Тараса Бульбы и вынесенные нами в эпиграф: *“Знаю, подло завелось теперь в земле нашей!”* Но из далёкого прошлого классик общерусской литературы вдохновляет нас – великороссов и малороссов – его потомков – проникновенным напутствием своего главного героя этой повести: *“Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое Православная Русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой Царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!”* (62, с. 189).

Как бы ни развивались события на Украине в русле проекта “Ukraine – Анти-Россия”, нам, живущим на земле Древней Руси, требуется свой **Русский проект**, который, объединив великороссов, малороссов и белорусов, только в этом варианте позволит сохранить нашу общую русскую цивилизацию! Пора бы нашим руководителям последовать мудрому указанию великого Гоголя, чтобы не оказаться при “пересдаче карт Истории” основными геополитическими игроками на обочине в XXI веке!